

БЕЛОЯННИС

М. Витин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о жизни греческого коммуниста Никоса Белоянниса.

- [Михаил Витин](#)
 -
 - [ВМЕСТО ПРОЛОГА](#)
 - [Вихри враждебные](#)
 - [ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ](#)
 - [НАЧАЛО БОРЬБЫ](#)
 - [В ССЫЛКЕ](#)
 - [«Я — КОММУНИСТ»](#)
 - [В ТЮРЬМЕ НА ЭГИНЕ](#)
 - [«ОХИ» ИТАЛЬЯНСКОМУ ФАШИЗМУ](#)
 - [ПОВЕРЖЕННАЯ СВАСТИКА](#)
 - [ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ](#)
 - [ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ](#)
 - [ПОСЛЕ ВАРКИЗЫ](#)
 - [СНОВА В БОЯХ](#)
 - [Дорога в бессмертие](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)
 - [В ЗАСТЕНКАХ ОХРАНКИ](#)
 - [СУД НАД ПРАВДОЙ](#)
 - [БЕЛОЯННИС ОБВИНЯЕТ](#)
 - [СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР](#)
 - [НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС](#)
 - [«ВЫ СУДИТЕ ГРЕЦИЮ»](#)
 - [ИМЕНЕМ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ](#)
 - [БИТВА ЗА ЖИЗНЬ](#)
 - [ПИСЬМА ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКОВ](#)
 - [ЗАГОВОР](#)
 - [УБИЙСТВО](#)
 - [МАТЬ](#)

- [Элли](#)
 - [ПЛАМЯ ГВОЗДИКИ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НИКОСА БЕЛОЯННИСА](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [Иллюстрации](#)
-

Михаил Витин БЕЛОЯННИС

*«О смелый сокол! В бою с врагами
истек ты кровью... Но будет время — и
капли крови твоей горячей, как искры,
вспыхнут во мраке жизни, и много смелых
сердец зажгут безумной жаждой свободы,
света!*

*Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и
сильных духом всегда ты будешь живым
примером, призывом гордым к свободе, к
свету!*

Безумству храбрых поем мы песню!..»

М. ГОРЬКИЙ, Песня о соколе

Nikos Meligiannis

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Третье афинское кладбище находится в районе Коккинья, почти на границе Афин с городом Пиреем. Оно обнесено высокой каменной стеной. Массивные ворота сделаны из толстого железа и доходят до самого верха стены.

Третье кладбище предназначено для простых людей. Там нет великолепных могильных памятников, богатых надгробий. На большинстве могил стоят каменные или деревянные кресты. На них кое-где висят засохшие венки. Только изредка можно увидеть скромные мраморные надгробия. Во времена оккупации гестаповцы обычно хоронили здесь греков, которых расстреливали.

Однажды апрельским днем мы подошли к кладбищу. Ворота были открыты. Посетителей мало. Мы спросили у сторожа, как пройти к могиле Белоянниса. Он подозрительно посмотрел на нас, но дорогу указал...

НИКОС БЕЛОЯННИС

22 декабря 1915—30 марта 1952

На могиле большое мраморное надгробие с высеченным на нем голубем. В головной части под стеклом фотография Белоянниса. Перед ней вазочка с красной гвоздикой — цветком, который любил Никос. На могиле лежат и другие, видимо, недавно положенные цветы.

Мы уже сделали несколько снимков, когда из-за деревьев появился пожилой мужчина. Он сказал, что фотографировать могилу Белоянниса запрещено и что исключения ни для кого не делаются, в том числе и для иностранцев.

Мужчина немного постоял около нас и, видя, что его предупреждение не действует, быстро пошел к кладбищенским воротам.

Когда после осмотра кладбища мы подошли к выходу, нас остановили два человека. Один из них отогнул ворот своего пиджака и показал металлический значок агента тайной полиции.

— Нам известно, — сказал агент, — что вы делали снимки у могилы, которую фотографировать запрещено. Вы должны засветить пленку.

Мы хорошо знали, что никаких официальных запрещений или ограничений фотографировать могильные памятники на афинских кладбищах не существует, и отказались выполнить требование.

Неожиданно встретив отпор, агент стал извиняться. Он сказал, что произошло, видимо, недоразумение, что мы не так его поняли. Конечно, на кладбище можно фотографировать любой памятник.

Так, спустя много лет после убийства Никоса Белоянниса, греческая реакция старается уничтожить память об отважном герое, жизнь которого была короткой, но звучной, как песня.

Вихри враждебные

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

В северо-западной части полуострова Пелопоннес, в самой большой из его долин — Элиде, километрах в сорока от древней Олимпии — родины Олимпийских игр, находится город Амалиас, или по-народному Амальяда. Когда-то в этом месте стояли две деревни, но они настолько разрослись, что слились в одну, и образовавшийся при этом слиянии город стал быстро расти и развиваться. Даже сильное землетрясение 1909 года, разрушившее половину его домов, не смогло остановить этого роста.

Амальяда окружен со всех сторон зеленым морем виноградников. В верхней его части, что ближе к невысоким горам, центральная площадь с собором и мэрией (по-гречески «димархией»). В городе есть гимназия, несколько начальных школ, много гостиниц, магазинов и небольших лавок. Как и в любом маленьком городе, дома в Амальяде небольшие. Довольно широкие улицы города обсажены деревьями. Близость древней Олимпии, живописность и тишина привлекают в Амальяду туристов.

В этом городе на Пелопоннесе 22 декабря 1915 года в семье ремесленника Георгиса Белоянниса родился сын, названный Николаосом, или попросту Никосом. Отец Никоса — выходец из бедной крестьянской семьи. Ему не пришлось закончить даже начальной школы. С ранних лет Георгис помогал своему отцу в хозяйстве. Земли у них было мало, а доходу от нее почти никакого. К тому же приходилось платить немалые налоги. Хотя отец Георгиса работал с утра до ночи, да и сам Георгис был мастером на все руки, семья не вылезала из долгов и жила впроголодь.

Женился Георгис на крестьянской девушке Василики и вскоре после женитьбы по примеру многих односельчан отправился искать счастья в городе.

В семье Белояннисов Никос был вторым ребенком, первая — дочь Елени.

Время, в которое родился Никос, было трудным не только для семьи Белояннисов, но и для всей страны. Всего за несколько лет до этого Греция участвовала в двух балканских войнах. Хотя эти войны почти удвоили ее территорию, экономика страны была сильно подорвана. Значительно возросли налоги. Крестьяне нищали.

Вскоре после рождения Никоса, когда жить стало еще трудней, Георгис отправился на заработки в США, тем более что несколько земляков, уже перебравшихся туда, писали утешительные письма и предлагали Георгису помощь в устройстве на работу.

Василики с детьми осталась в Амальяде в небольшом доме с крошечным садом, в котором росли несколько лимонных и апельсиновых деревьев да десяток кустов винограда. Возле невысокого забора, сложенного из камней и покрашенного известкой, оставался свободным кусочек земли, на котором Василики выращивала овощи и цветы. Весной и летом Василики нанималась работать на виноградник.

В свободное время она уходила с детьми за город. Они шли по узким тропинкам, поднимались на высокие холмы, и оттуда маленький Никос видел широкие просторы долины Элиды. Иногда Василики вместе с детьми уходила к родным и по несколько дней оставалась в деревне. Избы в деревне были маленькими, с земляными полами и дырявыми крышами. Тяжело жилось крестьянам.

Положение в Греции все осложнялось. В стране менялись премьер-министры, изгонялись и возвращались короли. Страна была уже втянута в

первую мировую войну. Тысячи солдат гибли на Македонском фронте, а тут еще греческие правители затеяли войну с Турцией.

Василики с детьми жилось все труднее, но тут вернулся из Америки Георгис. Поездка его была удачной: за океаном ему удалось скопить кое-какие сбережения. Он купил в центре Амальяды дом и открыл в нем гостиницу. Это давало некоторый доход, и теперь Василики уже не надо было наниматься на виноградники. Через год у Белояннисов родился третий ребенок — дочь Аргентина.

Семи лет Никос пошел в школу. Он учился без особого труда и был одним из первых учеников. Он никогда не отказывался помочь друзьям. Его любили учителя и товарищи.

Но он учился не только писать и считать, он учился любить свою родину. Правда, такого предмета в гимназии не было, но он усердно «посещал» и другую школу, школу, которой была сама жизнь.

У своих родственников и в домах многих своих товарищей Никос видел на стенах старинные ружья и сабли, которыми прадеды во времена национально-освободительной борьбы 1821 года завоевывали свободу. Много рассказов и песен слышал Никос в детстве о клефтах, партизанах тех далеких времен. В этих песнях клефты всегда представляли мужественными самоотверженными, не боящимися врагов и отдающими жизнь за свободу своего народа.

Никос слышал также много народных песен о герое этой борьбы Колокотронисе, которого в народе называли «пелопоннесским старцем». Сын простого крестьянина, Колокотронис возглавил борьбу за освобождение страны, принявшую всенародный характер и закончившуюся победой.

Колокотронис стал для Никоса любимым героем.

Судьба Колокотрониса трагична. Он был почитаем народом и окружен славой. Этого не могли простить ему новые правители Греции, сумевшие захватить власть после победы народа над турецкими поработителями и плясавшие под дуду западных держав. Осенью 1833 года, поздней ночью в дом Колокотрониса ворвались жандармы. Героя, которому тогда было уже 64 года, бросили в крепость. Шесть месяцев он просидел в сырой одиночной камере, не подозревая даже, в чем его обвиняют.

Лишь накануне суда он узнал, что ему приписывают «организацию заговоров в целях нарушения общественного спокойствия и подрыва внутренней безопасности и национальной независимости», а также обвиняют в том, что он обращался к иностранной державе (России), которая должна была помочь ему свергнуть регентский совет (правивший Грецией при малолетнем короле Оттоне) и изменить внутреннее положение в стране. Коротко — Колокотронис был обвинен в государственной измене, что каралось смертной казнью.

В ходе судебного разбирательства обвинение не было подтверждено. Только под давлением министра юстиции, трое из пяти судей подписали смертный приговор. Председатель суда Полизоидис и судья Тертсетис наотрез отказались поставить под ним свои подписи, несмотря на угрозы. Оба они не захотели выйти из совещательной комнаты, чтобы присутствовать при объявлении Колокотронису смертного приговора, и министр дал указание жандармам насильно вывести их оттуда. Когда жандармы ввели отбивающихся судей в зал заседания, Тертсетис кричал: «С моим телом вы можете делать что угодно, но вам не удастся изнасиловать мой разум и мою совесть!»

Колокотронис спокойно выслушал приговор. «Я столько раз смотрел смерти в глаза, — сказал он, — что

не боюсь ее и сейчас». Он вынул табакерку и стал нюхать табак. «Я выполнил свой долг перед родиной. Пусть эти люди судят меня. Лучше быть обвиненным, чем оправданным», — сказал Колокотронис. Смертный приговор Колокотронису был впоследствии отменен, его выпустили на свободу. Но еще долгие дни и ночи пришлось провести ему в подземной камере в ожидании исполнения приговора...

Но Никос воспитывался не только на рассказах о прошлом своего народа. Настоящее его было не менее героическим.

В сентябре 1922 года греческий народ, возмущенный политикой короля Константина и правительства, втянувших страну в военную авантюру, поднял восстание. Шесть министров, ответственных за малоазиатскую войну, были преданы суду и расстреляны. Король, как виновник войны, был изгнан из Греции. Но королевский престол пустым не остался. Его занял сын Константина Георг II.

Однако Георг царствовал недолго: Его свергли уже через два года. Монархия, активно поддерживаемая англичанами и щедро ими финансируемая, пала. Известие о провозглашении республики было встречено населением Амальяды с большим подъемом. В городе вывесили флаги, люди собирались большими группами, пели патриотические песни. «Зито демократия!», «Да здравствует республика!» — вместе со взрослыми кричал Никос.

В это же время Греция установила дипломатические отношения с Советским Союзом. В газетах стало больше появляться сообщений о жизни страны, поднявшей красное знамя свободы.

Греческая республика начала жить. Но ее сразу же попытались уничтожить. Генерал Пангалос в 1925 году произвел переворот и объявил себя единовластным

правителем. Через год диктатура была свергнута и вновь восторжествовала республика...

Отец Никоса часто ездил по стране и охотно брал с собой сына. Мальчик пристально наблюдает за жизнью народа. Видит тяжелую долю рабочих в городах. Безработицу. Нищету в рабочих кварталах. Тяжелую, полную лишений жизнь крестьян, обремененных долгами. Видит произвол полицейских властей в городе и в деревне.

Все чаще перед Никосом вставали вопросы — почему рабочие и крестьяне обречены на голод, на нищету, почему только небольшая часть людей не испытывает нужды, хорошо одевается и питается, имеет возможность учиться, путешествовать, развлекаться? Чтобы найти ответы на эти вопросы, Никос все больше углубляется в книги, начинает изучать труды по экономике и социальному устройству общества. Среди этих книг были и произведения классиков марксизма.

Но самое большое влияние на формирование у Никоса прогрессивных взглядов оказывала коммунистическая организация Амальяды. Это была сильная партийная организация, которая имела большой авторитет не только в самом городе, но и в окрестных деревнях. Не было ни одного важного политического события в стране, которое не находило бы отражение в деятельности коммунистов Амальяды.

Никос бывал на собраниях коммунистов в городе, слышал их выступления в деревнях. И он мог сравнивать их борьбу за интересы рабочих и крестьян, за демократические права народа с демагогической болтовней представителей различных буржуазных партий.

Когда Никос учился в последних классах гимназии, он вступил в молодежную организацию и стал активным участником молодежного движения. При непосредственном участии Белоянниса в гимназии были

проведены две забастовки учащихся, закончившиеся успешно.

НАЧАЛО БОРЬБЫ

В 30-х годах борьба трудящихся приобретает широкий размах. Грецию затрагивает разразившийся в то время мировой экономический кризис. На международном рынке падают цены на сушеный виноград — одну из важнейших статей греческого экспорта. Чтобы предотвратить еще более резкое падение цен, правительство рекомендует крестьянам сокращать площади под виноградниками и расширять посевы пшеницы и других злаковых культур. Банки ограничивают кредиты виноградарям, а также снижают закупочные цены. По всей Греции вспыхивают волнения. В Амальяде и ближайших деревнях проводятся демонстрации и забастовки. Борьбу виноградарей Амальяды, как и всю борьбу трудящихся Греции, возглавляет коммунистическая партия. Юношеская организация, в которой состоял Никос, также принимала в ней участие. Белояннис выступает на митингах в Амальяде, ездит «по деревням». Он стремится убедить крестьян, что только стойкость и последовательность могут привести к победе.

Во время наивысшего накала борьбы Белоянниса и еще нескольких гимназистов арестовывают и сажают в тюрьму. Но арест вызывает новый взрыв возмущения в городе. Уже через несколько дней власти вынуждены выпустить Никоса и его товарищей на свободу.

В 1932 году, по окончании гимназии, Белояннис приезжает в Афины и поступает в университет на юридический факультет.

Афинский университет играл большую роль в общественной жизни страны.

Реакционно настроенная часть студенчества поддерживала политику правящих кругов, а некоторые

даже враждебно относились к республиканскому строю, мечтая о реставрации монархии.

Прогрессивное студенчество выступало за демократию, активно поддерживало борьбу трудящихся, руководимых коммунистической партией. Некоторые студенты сами были коммунистами.

Никосу Белояннису не пришлось долго разбираться в сложной обстановке университетской жизни, искать свое место в непрекращавшейся борьбе. Симпатии его давно определились. Напористость, убежденность, умение увлечь товарищей вскоре выдвигают Никоса в число руководителей демократического студенческого движения. Одновременно он принимает участие в работе всегреческой молодежной организации, находившейся под влиянием компартии.

В 1934 году Белояннис вступил в Коммунистическую партию Греции. Верность партии, верность ее великому делу Белояннис пронес через все испытания, через трудности и лишения.

Участие в политической борьбе, связанные с ней частые поездки по стране не мешают Белояннису настойчиво учиться. Он понимает, что партии не нужны недоучки. Он не ограничивается предметами, предусмотренными университетской программой, — изучает социальные науки, филологию, философию. Особенно увлекает его история мировой и греческой литературы.

Рост демократического движения в стране вызвал ответную реакцию. Правительство потребовало от университетов в Афинах и Салониках принять меры против наиболее активных деятелей студенческого движения. Естественно, что Белояннис был среди первых, от кого под угрозой исключения из университета потребовали прекратить политическую борьбу. В 1934 году ученье Никоса в Афинском университете прекратилось.

Заканчивал Белояннис свое образование в тюремных камерах.

Исключенный из университета Никос возвращается в свой родной город и сразу же включается в партийную работу. В 1935 году Белоянниса избирают секретарем городской партийной организации. С этого времени он стоит во главе борьбы трудящихся родного города. Белояннис выступает с горячими речами на митингах в городе или окрестных деревнях, возглавляет демонстрации протеста. Борьба трудящихся Амальяды расширяется, все чаще происходят столкновения с полицией. Влияние городской, партийной организации на массы растет, и это приносит свои первые результаты. Серия забастовок виноградарей в октябре 1935 года оканчивается крупным успехом: предприниматели и перекупщики вынуждены повысить закупочные цены на сушеный виноград.

В ССЫЛКЕ

Между тем напряженное положение в стране с каждым днем усиливается. Против совсем еще молодой республики организуется заговор... Наиболее оголтелые реакционеры требуют реставрации монархии и установления военно-фашистской, диктатуры. В ноябре 1935 года путем фальсифицированного плебисцита восстанавливается монархия. Король Георг II возвращается в Грецию.

Однако выборы, проведенные в январе 1936 года, принесли успех республиканским партиям, получившим большинство парламентских мест. Парламентская фракция единого фронта рабочих и крестьян, созданная коммунистами, в феврале 1936 года подписывает с лидером либералов Софулисом соглашение об образовании единого республиканского правительства и о мерах по демократизации страны.

Но лидер либералов предал демократию. Он отказался от подписанного им соглашения, и король остался на престоле. Демократов продолжали преследовать. В марте 1936 года за активную революционную деятельность Белояннис был арестован и без суда направлен в ссылку на один год на небольшой остров Ниос в Эгейском море.

Его доставили на остров на маленьком парходике, чудом уцелевшем во время разыгравшейся бури. Белояннис поселился в небольшой деревеньке, жители которой, как и почти все население острова, состояли из моряков и рыбаков. Моряки, которых было большинство, обычно находились в плавании и дома бывали редко. Поэтому на острове жили преимущественно старики, женщины и дети.

Никогда прежде Белояннис не встречал такого суеверия, как среди жителей острова. Целиком зависящие от своенравной природы, моряки не уставали молиться своим святым, а спасшись от какой-либо беды, спешили возвести на последние сбережения часовенку или маленькую церквушку. Совершая дальние прогулки по острову, Белояннис всюду встречал эти сооружения, ставшие характерной чертой пейзажа острова.

Белояннис быстро сблизился с жителями Ниоса. Он рассказывал им о положении в стране, об угрозе войны, о народной борьбе.

В начале мая 1936 года Белояннис был привлечен к суду вместе с несколькими партийными и профсоюзными деятелями за организацию забастовок виноградарей в Амальяде. Поскольку он находился в ссылке, его судили заочно и приговорили к двум годам тюремного заключения. Одновременно власти навсегда запретили ему учиться в университете.

Родные Белоянниса опротестовали приговор суда. Особенно много труда положила Василики, хлопотавшая за сына не только в Амальяде, но и перед окружными властями в Патрасе. Приговор и решение о ссылке Белоянниса были отменены. В конце мая 1936 года он вернулся в Амальяду и вновь включился в партийную работу.

Положение в стране в то время становилось все более тяжелым. Премьер-министром был назначен генерал Метаксас, ярый реакционер, монархист и приверженец гитлеровских порядков. Реакция наступала. Предприниматели отказывались идти на уступки рабочим, требовавшим увеличения зарплаты в связи с ростом дороговизны. Более того, они сами начали наступление на права трудящихся, урезая зарплату, удлиняя рабочий день. По стране прокатилась новая волна забастовок. Особенную остроту забастовки

имели в Салониках, одном из крупнейших городов страны.

В мае несколько тысяч бастовавших рабочих-табачников вышли на улицы города. Несмотря на мирный характер демонстрации, полиция и жандармы напали на демонстрантов. Было убито 50 человек и больше 200 ранено.

В знак протеста против расстрела безоружных рабочих в стране была объявлена всеобщая забастовка. Похороны убитых вылились в огромную демонстрацию, в которой участвовало около 150 тысяч человек. Рабочие шли с красными знаменами, обвитыми траурными лентами, и с пением революционных песен.

Во многих городах страны проходят митинги протеста. Митингуют и студенты Афинского и Салоникского университетов. По заданию руководства партии Белояннис часто бывает в Афинах. Он пишет статьи, выступает на митингах. Вот как описывал выступление Белоянниса один из афинских студентов.

«Майское утро. Яркое светит солнце. Жарко. Перед Афинским университетом собралось на митинг несколько тысяч студентов. Они пришли, чтобы заявить протест против расправы полиции над безоружными рабочими Салоник. Было шумно. Ждали, когда начнется митинг. И вот на постамент, где установлена статуя поэта Ригаса Фереоса, легко поднялся смуглый высокий парень с черными вьющимися волосами. Он поднял руку, призывая к тишине. Немного подождал, пока студенты успокоились, и тогда начал говорить звонким сильным голосом.

Он говорил о тяжелой жизни греческого народа, о невыносимой эксплуатации рабочих капиталистами, об ограблении крестьян помещиками. Он говорил об антинародной политике правительства Метаксаса, о тех, кто является врагом трудящихся. Он говорил о фашизме, о приближающейся войне, о борьбе за предотвращение

этой войны, за мир, за свои права. Он говорил о великой Стране Советов, о ее вдохновляющем примере, о ее огромной роли в борьбе за международную безопасность. Он говорил о пролитой в Салониках крови рабочих, о всегреческом протесте против преступных действий правительства.

Он говорил с силой и убежденностью, призывая всех студентов быть на стороне борющегося народа, встать в первые ряды патриотического, антифашистского фронта. Он высоко поднял руку с крепко сжатым кулаком. «Отмщение. Пусть вечно живет память о погибших», — слышался его сильный голос.

— Правильно, правильно, — кричали студенты. — Да здравствует республика! — Тысячи сжатых в кулак рук взметнулись вверх, и многоголосое эхо повторило слова молодого оратора.

Оратором был Никос Белояннис».

«Я — КОММУНИСТ»

Рост демократического движения испугал короля и правящую верхушку Греции. Под предлогом «коммунистической опасности» 4 августа 1936 года генерал Метаксас совершил переворот и установил в стране военно-фашистскую диктатуру.

В опубликованной в связи с переворотом прокламации, призванной оправдать установление фашистской диктатуры, говорилось: «Коммунисты подготавливали социальную революцию. Они проникали в широчайшие народные массы, в университеты, в круги государственных служащих и повсюду имели многочисленных сторонников».

Метаксас отменил конституцию, распустил парламент без указания срока проведения новых выборов и объявил в стране «осадное» положение. Все политические партии и демократические организации были распущены и объявлены вне закона. Метаксас упразднил профсоюзы, отменил рабочее законодательство и запретил забастовки.

Были запрещены прогрессивные газеты, установлена строжайшая цензура. Из учебников истории было вычеркнуто всякое упоминание о демократии. Произведения многих греческих философов и историков были запрещены. Тщательному просмотру подверглись даже произведения великого трагика древности Софокла, и целые куски из «Антигоны» были признаны революционными.

На островах Эгейского моря появились концентрационные лагеря. В первые месяцы после установления диктатуры Метаксаса был принят чрезвычайный закон № 375, согласно которому даже в мирное время гражданские лица могли быть преданы

военному суду по обвинению в «шпионаже», без указания конкретных действий обвиняемого.

Главный удар военно-фашистской диктатуры Метаксаса был направлен против коммунистической партии.

Сразу же после переворота полиция арестовала свыше 1000 человек самых различных политических убеждений. Около 300 коммунистов были преданы суду и осуждены на разные сроки тюремного заключения. Суда каботажного плавания были полны политическими ссыльными, направляемыми на острова. Обращение с политическими заключенными и ссыльными было жестокое. Некоторых активистов компартии, арестованных и брошенных в тюрьмы, в течение многих дней держали в камерах почти голыми и голодными. На островах Анафи, Гавдосе, Фолегандросе и других ссыльные систематически голодали. У них не было не только пищи, но даже воды.

Коммунистическая партия Греции вынуждена была продолжать борьбу в глубоком подполье.

После установления диктатуры Метаксаса Никос Белояннис переехал из Амальяды в город Патрас, где он недолгое время работал в низовых ячейках компартии. Вскоре его призвали в армию, где он служил в воинской части, расположенной в Патрасе. Но и на военной службе Белояннис не прекращает партийной работы. Его выбирают секретарем армейской партийной организации.

Массовые аресты коммунистов, проводимые охранкой, затронули и воинские части. В декабре 1936 года Белояннис был арестован. Охранка требовала от него показаний о работе компартии в гарнизоне Патраса и имена руководителей армейской парторганизации. Белояннис молчал, несмотря на зверские избиения и истязания.

У охраны не было достаточных оснований для обвинения. Все же суд приговорив Никоса к трем месяцам тюрьмы и шести месяцам ссылки. Так закончилась для него военная служба.

После выхода из тюрьмы в июне 1937 года Белояннис снова появляется в Патрасе. Партия поручает ему работу секретаря районного комитета, а затем он становится секретарем комитета области Илиас.

В мае 1938 года Белояннис был снова арестован за распространение коммунистических идей.

Нанятый родными адвокат для оправдания Никоса пытается сослаться на его молодость:

— Мой подзащитный, как вы видите, совсем молод. По молодости он сам хорошо не знает, что делает. Его подбили другие. Примите же во внимание его возраст...

Но Белояннису не нужна такая защита. Он коммунист и коммунистические идеи считает правильными, он верит в них, защищает их и борется за то, чтобы эти идеи осуществились в Греции.

Такого заявления подсудимого было достаточно для вынесения ему обвинительного приговора. Пять лет тюрьмы и два года ссылки.

Растет зрелость Белоянниса, и вместе с ней все более суровыми становятся приговоры.

В ТЮРЬМЕ НА ЭГИНЕ

После недолгого предварительного заключения в патрасской тюрьме Белояннис был переведен в тюрьму на острове Эгина, в тридцати километрах от Афин.

Тюрьма на Эгине большая. В ней содержались многие сотни заключенных, и была она разделена на ряд секторов. В первом секторе, куда поместили Белоянниса, находились политические, преимущественно коммунисты. Тюремному начальству были даны указания поддерживать в первом секторе самый строгий режим. Правительство стремилось любыми средствами добиться от коммунистов публичного отказа от своих идей.

Заключенных избивали, сажали голыми на лед, лишали пищи, бросали в карцер. Иногда целыми группами заковывали в кандалы. Словом, греческий фашизм использовал широкий арсенал «средств», применявшихся в гитлеровских застенках. Среди заключенных находились слабые, у которых удавалось вырвать подпись под «декларацией об отречении».

Но коммунисты боролись друг за друга. Планам тюремщиков они противопоставляли свою коллективную организованность и сплоченность, свою веру в правоту общего дела.

Политзаключенные, находившиеся в тюрьме на Эгине, рассказывали, что Белояннис всегда был для товарищей примером в борьбе, вселял в них бодрость, мужество, уверенность в том, что трудности преодолимы.

Белояннис всегда оставался веселым, жизнерадостным, любил петь, танцевать. Начитанный, обладающий широким кругозором, хорошо знающий классическую мировую и греческую литературу,

Белояннис часто беседовал с друзьями о самых разных вещах. То он рассказывал древнегреческие легенды и мифы о богах и героях, о Прометее и Геракле, то о национально-освободительной борьбе 1821 года, в которой было много тяжелых и трудных этапов и много жертв. Никос любил рассказывать своим товарищам о героях национально-освободительного движения, боровшихся за греческий народ, за свободу родины.

В тюрьме Белояннису случайно попало в руки евангелие на русском языке, и у него возникла мысль изучить язык Ленина. Товарищ, немного знавший русский язык, написал ему алфавит. С большим трудом Белояннису удалось затем получить через надзирателя греческое евангелие. Тюремное начальство удивлялось такой просьбе Белоянниса и предполагало в этом какой-то подвох. Для чего коммунисту евангелие?

Белояннис изучал русский язык путем сравнения русского и греческого текстов упорно, настойчиво. Изучал в карцере, когда его туда сажали, изучал ночами, когда в камере все спали. Надзиратели наивно полагали, что Белояннис увлекается священным писанием, и товарищи, видя его с евангелием, шутя спрашивали, не собирается ли он в попы. Белояннис отшучивался — ничего, и евангелие знать нужно. Так в тюрьме прошло много трудных месяцев, и Никос ни на один день не прекращал изучение русского языка.

Десять лет спустя, когда Белояннис был политическим работником в Демократической армии Греции, товарищи часто видели у него в руках журнал «Большевик».

И когда товарищи спрашивали, как он изучал русский язык, Белояннис, смеясь, отвечал: «По евангелию! Вы знаете, как оно начинается? «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова». Это первое, что я прочитал на русском языке».

«ОХИ» ИТАЛЬЯНСКОМУ ФАШИЗМУ

Никоса Белоянниса перевели в тюрьму Акронавплион, где содержались главным образом руководящие деятели и активисты компартии. Режим тюрьмы Акронавплион был таким же суровым, как и в тюрьме на острове Эгина, но политические заключенные здесь были более организованны, и власти остерегались применять против них особенно крутые меры.

Стремясь во что бы то ни стало удержать власть, правительство Метаксаса совершало одно предательство, за другим.

Оно продолжало кричать о «коммунистической угрозе», в то же время ничего не предпринимало для предотвращения действительной угрозы, нависшей над Грецией. А между тем гитлеровская Германия уже начала свою экспансию в Европе, и над Грецией все больше сгущались грозовые тучи.

Гитлеровцы всячески способствовали фашизации Греции, представляя правительству Метаксаса своих фашистских пропагандистов, «советников», агентов гестапо.

В этих условиях Центральный Комитет Греческой компартии предупреждал народ о реальности угрозы фашистского нападения, призывал его объединиться и создать правительство общего доверия, которое было бы способно защитить независимость Греции, восстановить погрязшие правительством Метаксаса демократические права и свободу.

Захват фашистской Италией Албании в апреле 1939 года и появление на границе с Грецией итальянских войск не вызвали беспокойства у правительства Метаксаса. Оно удовлетворилось односторонним заявлением Великобритании, что в случае нападения на

Грецию она окажет ей помощь, и заверением фашистской Италии об уважении целостности Греции.

В специальном обращении к народу Метаксас заверял, что «безопасность и независимость Греции полностью обеспечены».

Между тем правительство и военное командование хорошо понимали, что Греция к обороне не подготовлена. Греческая армия не имела противотанкового. оружия, было очень мало самолетов.

В начале второй мировой войны правительство Метаксаса под давлением общественного мнения заявило о нейтралитете Греции. Но это заявление не остановило агрессоров. 28 октября 1940 года в три часа утра итальянский посол вручил Метаксасу ультиматум, предлагавший открыть греческую границу для занятия итальянскими войсками основных стратегических пунктов Греции.

Опасаясь, что принятие итальянского ультиматума вызовет взрыв народного негодования, Метаксас отклонил его. В пять часов утра итальянские войска перешли в наступление.

Военное руководство Греции не верило в победу над агрессором и в случае начала войны хотело сделать лишь несколько выстрелов «во имя спасения чести греческого оружия».

Но греческий народ решил иначе. Патриотически настроенные офицеры, солдаты, рабочие, крестьяне прифронтовой полосы сказали «охи» — «нет» итальянскому фашизму. Они придали войне боевой характер, характер освободительной народной войны.

В это тяжелое для Греции время, когда свобода, независимость и целостность страны находились в опасности, коммунисты показали свою преданность народу и высокий патриотизм. Центральный Комитет Коммунистической партии Греции призвал всех греков превратить каждый мост, каждый дом, каждую деревню

в крепость борьбы за свободу родины. Коммунисты с энтузиазмом шли на фронт, героически боролись против фашистских захватчиков. Те же, кто, как Никос Белояннис, находился в тюрьмах и ссылке, обратились к правительству с требованием, чтобы их немедленно отправили на фронт.

Но правительство Метаксаса отказалось удовлетворить эти, требования. Оно опасалось, что освобождение коммунистов из тюрем и отправка их на фронт приведет к тому, что армия использует оружие не только против итало-фашистских агрессоров, но и против диктаторского режима Метаксаса.

В первое время итало-фашистским агрессорам удалось захватить небольшую часть греческой территории. Однако вскоре героически сражавшаяся греческая армия нанесла поражение итальянским войскам. Без достаточного вооружения, без наступательных средств — танков и самолетов, без необходимого снаряжения и транспорта греческие солдаты сумели не только остановить наступление итало-фашистских войск, но отбросили их в глубь Албании.

Итальянские войска попали в критическое положение, и командующий итальянской армией генерал Саду считал, что для Италии «нет возможности вести военные операции» и что «создавшееся положение нужно разрешить политическим путем». Однако правительство Метаксаса не спешило нанести окончательный удар противнику.

В январе 1941 года Метаксас умер от гнойной ангины. Правящие круги называли его «спасителем отечества». Но находившиеся в тюрьмах и на островах заключенные и ссыльные демократы слали проклятие умершему диктатору, виновнику агрессии против Греции, виновнику гибели сотен тысяч людей. Неблагоприятный исход итальянской агрессии против

Греции привел к тому, что гитлеровская Германия пришла на помощь итальянскому фашизму и начала военные действия на Балканах. Утром 6 апреля 1941 года немецко-фашистские войска вторглись на территорию Греции, уничтожая огнем и мечом мирные греческие города и деревни.

Греческая армия на Македонском фронте оказала немецким агрессорам упорное сопротивление, несмотря на превосходство захватчиков в военной технике. Но и здесь предательство и пораженчество, так характерные для диктаторского режима Метаксаса, немедленно дали о себе знать.

На Македонском фронте еще шли бои, а заместитель военного министра уже дал приказ о безоговорочной капитуляции, подтвержденный приказом генерального штаба. Командующий армией в Эпире генерал Чолакоглу и командующий армией в Македонии генерал Бакопулос сразу же подписали капитуляцию. В Греции был установлен «новый порядок», порядок гитлеровской оккупации.

После начала немецкой агрессии против Греции, когда фронт распался и немцы продвигались к Афинам, заключенные коммунисты и антифашисты делали все возможное, чтобы включиться в борьбу своего народа. В тюрьме Акронавплион комитет политзаключенных, в состав которого входил и Никос Белояннис, настойчиво требовал освобождения политических из тюрьмы. Жандармский полковник не только отказался выполнить требование комитета, но дал указание усилить охрану и установить на всех сторожевых башнях пулеметы.

Полковник действовал по указанию бежавшего из страны королевского правительства.

Служба госбезопасности диктаторского режима Метаксаса после оккупации Греции немцами предоставила весь полицейский аппарат страны фашистским оккупантам, передала в руки захватчиков

находившихся в тюрьмах и ссылки политических заключенных и списки «политически подозрительных лиц».

После занятия немецкими войсками города Навплиона политические заключенные тюрьмы Акронавплион были по списку переданы немецким оккупационным властям.

ПОВЕРЖЕННАЯ СВАСТИКА

Для борцов-антифашистов и всех греческих патриотов оккупация Греции немецко-фашистскими войсками, не означала полного поражения. Под руководством коммунистов греческий народ поднимается на борьбу с фашизмом за освобождение родной страны.

Еще в первые дни немецкой оккупации, несмотря на принятые властями меры, свыше 200 коммунистов бежали из тюрем и с островов.

По всей Греции начинают реорганизовываться и активизироваться партийные организации, и в конце мая 1941 года коммунисты Афин уже выпустили первые листовки, в которых призывали греческий народ к борьбе, к национальному сопротивлению.

В ночь на 31 мая 1941 года, когда гитлеровские захватчики праздновали победу по случаю полной оккупации Греции, флаг фашистской Германии на Акрополе был сорван.

Это событие вызвало глубокий отклик в душе греческого народа и у народов Европы.

Имена патриотов, совершивших этот замечательный подвиг, знаменовавший начало освободительной борьбы греческого народа, долгое время оставались неизвестными. Только 25 марта 1945 года газета компартии «Ризоспастис» опубликовала их имена. Это были Манолис Глезос, учащийся коммерческой школы, и Апостолос Сантос, учащийся школы правоведения.

Еще одним-толчком к подъему борьбы греческого народа за свое освобождение послужило начало Великой Отечественной войны. На следующий же день после нападения фашистской Германии на Советский Союз улицы Афин были наводнены многими тысячами

написанных от руки прокламаций. «Патриоты! Варварские орды Гитлера подло напали на Советский Союз — мать народов. Но коварный враг скоро будет поставлен на колени, свободные народы восторжествуют. Да здравствует Советский Союз — надежда и оплот всех стран мира! Да здравствует Красная Армия! Свобода народу! Смерть фашизму!» Великая освободительная война Советского Союза стала вдохновляющим примером для греческих патриотов.

В июле 1941 года ЦК Компартии Греции призвал все патриотические силы страны объединиться в единый антифашистский фронт. Всем есть место в борьбе против фашистских оккупантов, говорили коммунисты, — рабочим и крестьянам, служащим и ремесленникам, торговцам и промышленникам, мужчинам и женщинам, старым и молодым.

27 сентября 1941 года по инициативе КПГ было достигнуто соглашение между коммунистической, социалистической и аграрной партиями, а также Союзом народной демократии о создании Национально-освободительного фронта (Этникон Апелефтеротикон Метопон), который по своим начальным буквам получил название ЭАМ. Вскоре организации ЭАМ возникли по всей Греции. Под знамена национально-освободительной борьбы становились многие тысячи и тысячи греческих патриотов. Незадолго до полного освобождения страны от немецких оккупантов в августе 1944 года ЭАМ насчитывал полтора миллиона членов.

ЭАМ организует забастовки и демонстрации, спланирует греческий народ, поднимает его на борьбу с фашистскими оккупантами. Национальное движение в Греции принимает такой размах, что в ряде случаев фашисты вынуждены отступить.

«Отдайте ваши знания, ваш опыт, вашу храбрость и мужество делу организации национальных вооруженных сил. Пример руководителей борьбы 1821 года да будет

вашей путеводной звездой». «Все греки сейчас хорошо понимают, что нет жизни без свободы. Нас убедили в этом голод, живые скелеты на улицах, иссохшие тела и голодные глаза детей. Теперь нам нужно понять, что свобода не даруется. Она завоевывается в борьбе. Дарованная свобода — это прикрытое рабство. Нам нужно также знать, что нельзя отделять рабство внешнее от рабства внутреннего, иностранного захватчика от доморощенного тирана. Только народ, который борется за изгнание иноземных захватчиков, может добиться свободы внутри страны. Иначе он просто сменит господина». С такими воззваниями обращались к народу руководители ЭАМ уже в самом начале существования этой организаций. Народ откликнулся на призывы ЭАМ, и к концу 1941 года создается Народно-освободительная армия Греции — ЭЛАС (Эллиникос Лаикос Апелефтеротикос Стратос). И когда фашисты захотели угнать молодых греков в Германию, как они это проделывали во всех оккупированных ими странах, на улицы Афин вышло около 200 тысяч человек. Демонстранты смяли полицейские кордоны и итальянскую конницу, не остановили их и немецкие танки. Они приступом взяли охраняемое войсками министерство труда и уничтожили все заготовленные для мобилизаций списки. В поддержку этой демонстрации была объявлена всеобщая забастовка рабочих и служащих в Афинах. И победа была одержана. Вопреки планам марионеточного правительства Греция, единственная из всех стран, оккупированных немцами, не посылала рабочих в Германию, а в составе немецких войск не было греческих воинских частей.

Находившийся в тюрьме Белояннис напряженно следил за этой борьбой. Он знал свой родной народ, знал, что для него «лучше прожить один день на свободе, чем сорок лет в рабстве».

После восстановления нелегального аппарата руководство компартии наладило связи с политзаключенными тюрьмы Акронавплион и информировало их о событиях в стране. Белояннис с товарищами приветствовали создание ЭАМ и ЭЛАС. Как хотели бы они быть на воле, чтобы вместе со всем народом участвовать в великой борьбе за свободу.

Однако попытки некоторых политзаключенных бежать из тюрьмы не удавались.

Осенью 1941 года Белоянниса и группу других политзаключенных переводят в концлагерь (стремясь уничтожить греческих патриотов, итальянцы создавали в Греции концентрационные лагеря).

Обращение с заключенными было зверское. За малейшую ошибку на работе людей избивали, подвергали различным наказаниям. Большинство из них умирало в сырых и темных камерах от истощения и зверского обращения, других расстреливали. На смену погибшим присылали новые группы арестованных.

Около полугода пробыл Белояннис в небольшом лагере в городке Катуны, а затем был переведен в концлагерь в Вониче, небольшом городке на побережье Ионического моря.

Белояннис стремится поддержать в товарищах волю к борьбе. При его активном участии создаются группы сопротивления оккупантам, которые ведут пропагандистскую работу, рассказывают о положении в стране, о народной борьбе против поработителей. Некоторые из заключенных в лагерях сами были участниками или свидетелями народной борьбы. Они рассказывали узникам о демонстрациях в Афинах, о клятве инвалидов перед могилой неизвестного солдата бороться за свободу народа, о том, как необыкновенно сильно звучали в устах демонстрантов слова национального гимна:

Узнаю тебя по взмаху богатырского меча...
Приветствую, приветствую тебя, Свобода.

Такие известия вселяли в заключенных бодрость, желание выстоять в борьбе. При поддержке находившихся на свободе товарищей из концлагерей нередко совершались побеги, удалось бежать и некоторым товарищам Белоянниса по тюрьме Акронавлион.

Но сам Никос оставался в заключении. Весной 1943 года Белояннис серьезно заболел и был направлен в тюремную больницу «Сотирия» («Спасение»), находящуюся в Афинах, в предместье Гуди. Несколько месяцев провел там Белояннис, и ни на минуту его не покидала мысль о побеге.

На помощь пришли афинские друзья, и в сентябре 1943 года Никос Белояннис бежал.

Бежал, чтобы сразу же включиться в активную борьбу против фашистских захватчиков.

Руководство Греческой компартии направляет его на Пелопоннес в третью дивизию ЭЛАС.

Перед тем как прибыть в партизанскую часть, Белояннис с большим риском пробирается в свой родной город Амальяду, чтобы повидаться со своей семьей — матерью, отцом и сестрой; Белояннис знал уже, что в начале 1942 года во время голодной зимы умерла младшая сестра Аргентина.

Дома хотелось побыть побольше, но оставаться в Амальяде даже несколько дней было опасно...

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ

К тому времени как Белояннис стал партизаном, Народно-освободительная армия действовала по всей Греции. Она освободила от немецких захватчиков уже примерно две трети материковой части страны. На счету ЭЛАС были такие операции, как уничтожение железнодорожного моста Горгопотамос на линии Афины — Салоники — главной в то время стратегической артерии страны, взрыв железнодорожного тоннеля в Курново, уничтожение многих важных военных объектов.

В рядах Народно-освободительной армии находилось семьдесят тысяч бойцов и офицеров.

Для борьбы против Народно-освободительной армии оккупанты вынуждены были держать в Греции двенадцать дивизий.

Третья дивизия ЭЛАС вела операции по всему Пелопоннесу. Белояннис был назначен капитаном (политическим комиссаром) восьмого полка третьей дивизии, который действовал в провинции Лакония с главным городом Спарта, отчего партизаны называли восьмой полк спартанским.

Значительная часть территории провинции Лакония омывается морем, что делало ее важным стратегическим пунктом, так как немцы постоянно опасались высадки союзных войск.

Капитану в полку приходилось вести не только политическую работу, но и руководить военными операциями.

Белояннис был храбрым, мужественным, трудностей он не боялся. Внимательный и чуткий к людям, веселый, жизнерадостный, Белояннис пользовался у бойцов большим авторитетом и любовью.

Подготавливая какую-либо военную операцию полка, Белояннис требовал представления подробной информации о силах противника и особенностях местности. Нередко сам ходил в разведку, что действовало на активность бойцов лучше любых речей.

Впрочем, и беседы Белоянниса с воинами много способствовали сплочению их сил. В выступлениях Никоса не было ничего показного, и, главное, его слова не расходились с делом. Солдаты верили ему и шли за ним.

К тому же они знали: Белояннис никогда не пошлет на неоправданный риск.

Части восьмого полка действовали в горах Тайгета, большого лесистого горного хребта, проходящего недалеко от Спарты. Немцам трудно было определить, где скрываются партизаны; патриоты же могли легко организовывать засады, и без особых потерь уничтожать небольшие группы, немцев и их транспорты, подвозящие боеприпасы и продовольствие.

Белояннис любил горы Тайгета, их величественную красоту, лес, которым они были покрыты, игру света и тени.

Он любил следить за полетом орлов, медленно паривших над самыми высокими вершинами, над горными скалами, господствуя над всем, что внизу.

Сам он часто забирался высоко в горы. «Орел» — так называли Белоянниса его товарищи за смелость, за храбрость, за мужество. Белояннис не менял своей фамилии после вступления в ряды ЭЛАС, не брал псевдонима, как это делали многие из военных руководителей. Но за ним осталось это гордое имя Орел.

Роты восьмого полка были расположены в различных местах, но, несмотря на трудности сообщения между ними, Белояннис часто посещал небольшие партизанские соединения, чтобы побеседовать с бойцами, рассказать о победах Красной Армии, о борьбе

против немцев внутри Греции, об успешных действиях частей ЭЛАС. Белояннис обращал большое внимание на то, чтобы бойцы полка поддерживали хорошие отношения с местным населением, чтобы со стороны партизан не было необоснованных репрессий за «сотрудничество с врагом».

Как партизанский командир, Белояннис поддерживал связи с английскими военными миссиями, которые находились при частях Народно-освободительной армии. Белояннис хорошо знал английский язык, был отлично информирован об обстановке в стране и, будучи ответственным военачальником, мог принимать самостоятельные решения.

В апреле 1944 года разведка партизан получила сведения, что в скором времени для инспектирования фортификационных работ на морском побережье Лаконии через Спарту проедет немецкий генерал со своим штабом и охраной. Такие же сведения имела и английская военная миссия. Ее представитель посетил Белоянниса и спросил его, что предпримут руководители партизанского движения? Уничтожить генерала было, конечно, не трудно, но это могло вызвать репрессии против заложников.

Белояннис сказал, что немецкий генерал будет уничтожен.

Он сам принял участие в подготовке этой операции. Было решено устроить засаду в местечке Визола, находящемся на дороге между селениями Молаи и Ганганиас, недалеко от Спарты. 27 апреля небольшой отряд партизан восьмого полка напал на четыре автомашины немецкого генерала. Генерал, три офицера и вся штабная охрана были убиты. Приказ Белоянниса выполнили точно.

Действия восьмого полка наводили страх на немцев, но все же долгое время они осуществлялись мелкими

группами и имели лишь местное значение.

В августе 1944 года в Лаконию прибыл начальник генерального штаба ЭЛАС Арис Велухиотис. После ознакомления с военной обстановкой на месте Велухиотис, командир полка Орион (Яннис Михалопулос) и Белояннис разработали» план нападения на хорошо укрепленный пункт немцев в селении Вурлия, что в 25 километрах от Спарты. Гарнизон Вурлии состоял приблизительно из 200 человек. В разработанном плане предусматривалось создание партизанских засад по дороге, ведущей от Спарты к Вурлии, чтобы помешать подходу подкреплений.

Операция была проведена 10 августа тремя ротами, внезапно напавшими на Вурлию. Части восьмого полка захватили селение и уничтожили возведенные там немецкие укрепления. Фашистский гарнизон был полностью уничтожен. Партизаны захватили много боеприпасов и различного военного снаряжения.

Большую помощь воинам ЭЛАС оказали жители селения. Они рассказали о размещении сил противника и о его слабых местах, сами участвовали в бою.

Разгром немецкого гарнизона в Вурлии имел большой отклик на всем Пелопоннесе. Приближался час освобождения не только небольших селений, но и крупных городов страны. Вскоре после сражения в Вурлии из штаба дивизии пришел приказ подготовиться совместно с девятым полком к взятию города Каламаты.

Каламата насчитывала свыше 35 тысяч жителей. Это главный город провинции Мессина и один из крупнейших на Пелопоннесе. Город был хорошо укреплен, так как имел важное стратегическое значение. Немецкий гарнизон, усиленный несколькими греческими «охранными батальонами», превышал 1200 солдат и офицеров.

Утром 8 сентября два полка ЭЛАС — восьмой полк Лаконии и девятый полк Мессины начали наступление

на город. Немцы упорно защищались. После многочасового сражения, во время которого исключительный героизм и самопожертвование проявили не только бойцы ЭЛАС, но и помогавшие им жители города, Каламата была взята.

Группа офицеров и солдат «охранных батальонов» вместе с губернатором провинции Мессина пытались бежать, но были задержаны партизанами.

Белояннис принимал в бою непосредственное участие. Вместе с Орионом он руководил действиями восьмого полка.

Потери частей ЭЛАС благодаря хорошо разработанному плану операции были небольшими, но погиб командир девятого полка подполковник Сервос.

Каламата была первым большим городом на юге Пелопоннеса, освобожденным частями ЭЛАС, перешедшими теперь в широкое наступление. День полного освобождения страны приближался. ЭЛАС шла вперед, уничтожая оккупантов. Победно звучал по всей Греции гимн ЭЛАС.

Винтовку крепко в руках сжимая,
Мы приближаем великий час,
Мы путь к свободе в века открываем,
Смелей же в бой, ЭЛАС, ЭЛАС.

Вперед ЭЛАС, вперед за Грецию,
Вперед за право и свободу.

Восьмой полк ЭЛАС занял Спарту и вскоре освободил от немцев, и «охранных батальонов» всю провинцию Лаконию.

Белояннис вскоре разрабатывает и принимает участие в еще более крупной операции.

В главном городе провинции Аркадия Триполисе засели части «охранных батальонов» численностью в 2500 человек, город был хорошо укреплен немцами, и для его освобождения требовалось участие значительных сил ЭЛАС.

Триполис был освобожден 30 сентября 1944 года. Во взятии города участвовали, кроме восьмого полка под командованием Ориона и Белоянниса, части девятого, одиннадцатого и шестого полков третьей дивизии. Когда Триполис был окружен частями ЭЛАС, внутри «охранных батальонов» начались разногласия, перешедшие в вооруженные столкновения. Сражение за Триполис продолжалось недолго. Город был взят отрядами ЭЛАС, захватившими большое количество пленных.

Юг Пелопоннеса, где действовал восьмой полк, в сентябре 1944 года был полностью освобожден от немецких оккупантов и от сотрудничавших с ними «охранных батальонов».

По всей Греции вдохновленные победами Советской Армии на Балканах шло стремительное наступление частей ЭЛАС.

12 октября 1944 года части Народно-освободительной армии взяли Афины, а к 4 ноября вся Греция была полностью освобождена от немецких оккупационных войск.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Греческий народ, выбросивший немецких оккупантов со своей земли, все же не добился действительного освобождения. На его свободу посягнул другой враг — английский империализм.

16 октября 1944 года, когда почти вся страна была очищена от немцев, в Греции высадились английские экспедиционные войска. Они прибыли под предлогом освобождения страны от фашистских захватчиков. Но англичане повели себя не как союзники и друзья, а как враги греческого народа, как новые оккупанты. Английские империалисты видели, что расширение национально-освободительного движения в Греции, возглавляемого ЭАМ, и укрепление вооруженных сил ЭЛАС приведет к подлинной свободе Греции и она станет независимым демократическим государством.

Этого английская реакция и не хотела допустить.

Главной целью английских экспедиционных войск было подавление национально-освободительного движения. Они стремились всеми средствами, включая применение оружия, реставрировать в стране довоенные порядки и превратить Грецию в английский военный плацдарм на Балканах. Эти английские планы полностью разделяли король и греческая реакция, которые пуще огня боялись победы народа. Вместе с английскими войсками в страну прибыли сформированное незадолго до этого правительство и монархические воинские части — «Горная бригада» и «Священный батальон».

Английское командование разослало частям ЭЛАС приказ об их роспуске. Премьер-министр в официальном документе правительства подтвердил это требование.

Министры — члены ЭАМ в знак протеста против действий премьера подали в отставку.

Командование ЭЛАС с полного одобрения руководства ЭАМ отказалось подчиниться приказу о разоружении.

3 декабря 1944 года в знак протеста против роспуска ЭЛАС в Афинах была проведена мирная демонстрация, в которой приняло участие 500 тысяч человек. Среди демонстрантов были женщины и дети. Полиция, в которой продолжали оставаться те, кто сотрудничал с гитлеровцами, и «Священный батальон» открыли огонь.

Английские войска тоже были брошены против демонстрантов. Английский танк вломился в здание ЦК ЭАМ. По всему городу английские солдаты, полиция, жандармерия и банды из «охранных батальонов» нападали на бойцов ЭЛАС. Против демократов были пущены английские самолеты, танки, пушки и пулеметы.

Соппротивление английским войскам и монархо-фашистским бандам оказывали резервисты ЭЛАС и афинские добровольцы. Части ЭЛАС были размещены далеко за городом. Когда один из полков, стоявший километрах в двадцати от Афин, выступил на помощь демократам, он был встречен английскими танками.

В ущерб действиям английских войск против немцев великобританский премьер Черчилль перебросил с итальянского фронта в Грецию значительное число войск. Черчилль лично дал приказ генералу Скоби чинить в Афинах расправу над демократами и действовать в греческой столице как в завоеванном вражеском городе.

Тридцать три дня ЭЛАС и население Афин оказывали сопротивление английским интервентам и монархо-фашистским бандам. Все же демократы были вынуждены оставить Афины в связи с большим численным перевесом английских войск и

преобладанием в технике. 11 января 1945 года было заключено перемирие, и военные действия прекратились.

А 12 февраля в Варкизе руководители национально-освободительной борьбы подписали с представителями правительства, при гарантии англичан, соглашение, предусматривающее немедленную отмену военного положения, амнистию жертвам террора, освобождение заложников, установление в стране свободы слова, печати, собраний, профсоюзов. Правительство должно было очистить государственный аппарат от фашистских элементов, сотрудничавших с оккупантами, провести плебисцит по вопросу о государственном устройстве, а затем свободные выборы в учредительное собрание. Правительство обещало также распустить все имеющиеся в стране вооруженные отряды и группы и создать новую армию. Со своей стороны, части ЭЛАС должны были сдать оружие и демобилизоваться.

ПОСЛЕ ВАРКИЗЫ

Руководство ЭЛАС в соответствии с соглашением немедленно отдало приказ о демобилизации. Правительство же не спешило выполнять свои обязательства.

Положение в стране продолжало ухудшаться. Один состав правительства сменялся другим, но политика оставалась прежней. Становилось ясно, что правители Греции не собираются выполнять обещания, данные народу, а Англия, являвшаяся гарантом Варкизских соглашений, не принимала никаких мер к их выполнению. Более того, она делала все возможное, чтобы ввергнуть Грецию в бездну гражданской войны.

Под защитой английских штыков греческая реакция восстанавливала в стране законы и порядки периода диктатуры Метаксаса. Восстанавливается действие фашистского закона № 1075/38, по которому «никто не может быть принят на службу в государственном учреждении без отзыва министерства общественной безопасности о политических убеждениях». Справки о политической благонадежности требуются не только для поступления на работу. Без них не дают разрешения на торговлю и даже требуют их от учащихся перед выдачей им аттестата об окончании гимназии. Все ставится под контроль полиции, жандармерии и военных властей. Свобода собраний отменяется. Демократов опять сажают за решетку. Достаточно было возгласа «Да здравствует Варкиза и демократия!», как человека арестовывали, предавали суду и выносили приговор — 10–12 месяцев тюрьмы.

После роспуска ЭЛАС Никос Белояннис был направлен Центральным Комитетом партии на

Пелопоннес. Весной 1945 года в Патрасе созывается областная партийная конференция, на которой Белоянниса избирают членом областного комитета КПГ Пелопоннеса. Он становится заведующим отделом просвещения. Одновременно на Белоянниса возлагается руководство ежемесячным политико-экономическим журналом «Элефтерос Морьяс», в котором он нередко выступает с редакционными статьями.

Кроме того, Белояннис участвует в редактировании издававшейся в Патрасе ежедневной демократической газеты «Свободная Ахея».

Не случайно своего испытанного бойца партия решила использовать на работе в печати. Это был один из самых сложных и действенных участков борьбы. Формально цензуры в стране, не было. Но власти делали все, чтобы не допустить освещения наиболее острых вопросов, больше всего волновавших греческий народ. Власти оказывали на работников печати грубое давление, подвергая их преследованию и травле. Фашистские бандиты нападали на редакции демократических газет, убивали или избивали их сотрудников, громили помещения, уничтожали материальные ценности.

Особенно частыми были нападения на демократические газеты на Пелопоннесе.

Несмотря на это, демократическая печать Греции продолжала свою боевую работу. Демократические газеты сообщали народу правду о трагическом положении страны, находящейся в руках монархо-фашистов, призывали его к сплоченности, к борьбе.

Работая в журнале «Элефтерос Морьяс» и в газете «Свободная Ахея», Белояннис с интересом изучает материалы об экономическом положении Греции, о проникновении в страну иностранного капитала, о характере и структуре греческой промышленности, остающейся преимущественно легкой.

Свои исследования по экономическим вопросам Белояннис изложил в книге «Экономическое развитие Греции», которую он, несмотря на большую занятость, закончил в конце 1945 года.

Параллельно он работает над «Историей новогреческой литературы».

Однако опубликованию рукописей этих книг, представляющих большой научный интерес, помешало начавшееся преследование Белоянниса, и они не изданы до сих пор.

Белый террор свирепствует в стране. Он охватывает города и деревни, метрополию и острова. Убивают демократов в Афинах, убивают в Македонии, убивают на Пелопоннесе, убивают в Аттике, в Фессалии.

К началу лета террор принял такой размах, что даже те политические деятели, которые сами способствовали установлению существовавшего тогда режима, такие, как бывшие премьеры Софулис, Кафандарис, Цудерос и Пластирас, вынуждены были обратиться 5 июля 1945 года к премьеру тогдашнего правительства Вулгарису с письмом:

«Террор, установленный после декабрьских событий крайне правыми элементами по всей стране, становится с каждым днем все более ожесточенным. Он приобрел такой размах и силу, что жизнь граждан-немонархистов находится под постоянной угрозой, и самая мысль, что можно приступить к свободным выборам или плебисциту, становится нелепой. Крайне правые террористические организации не только не разоружены и не подверглись наказанию, но даже открыто сотрудничают с агентами по охране порядка в целях полного подавления всякой демократической мысли».

Для расправы с демократами широко использовались ложные доносы монархо-фашистов, обвинявших бывших бойцов ЭЛАС или сторонников ЭАМ в различных преступлениях. За короткий срок было подано свыше 80 тысяч ложных доносов и жалоб. Демократов обвиняли в незаконном ношении оружия в годы оккупации, без разрешения на то немецкой военной комендатуры, в «убийствах» агентов гестапо и различного рода предателей, сотрудничавших с оккупантами, в «убийстве» в боях солдат «охранных батальонов», в «убийствах» немецких и итальянских солдат, офицеров, в «разрушении национального имущества» — складов, зданий, мостов, использовавшихся немецкими оккупационными властями в военных целях.

Желая возбудить судебное дело против видных деятелей национально-освободительной борьбы, власти обращались к населению, предлагая дать показания об их «преступлениях». Во многих городах Пелопоннеса было вывешено обращение с предложением дать показания о «преступлениях» Никоса Белоянниса. Власти искали хоть малейшего повода для того, чтобы расправиться с ним. Но не нашлось никого, кто решился бы его оклеветать.

Белояннис любил бывать с народом, с простыми людьми. Он беседовал с рабочими, с крестьянами. Часто бывал в деревнях, в рабочих кварталах, на фабриках и заводах.

Он не принимал мер предосторожности.

Летом 1945 года трудящиеся Патраса, возмущенные провокационными действиями властей, полиции и монархо-фашистских банд, решили организовать демонстрацию протеста. В ней должны были принять участие Белояннис и некоторые руководящие партийные работники города. Незадолго до назначенного дня стало известно, что полиции дан приказ не допустить

демонстрантов к центру города, а в случае неповиновения — стрелять.

Товарищи, понимавшие, что фашисты давно ищут случая расправиться с Белояннисом, настаивали на том, чтобы он отказался от участия в демонстрации. Но он не мог с этим согласиться — явился в назначенный день и час и возглавил демонстрантов.

Все обошлось благополучно. Полиция не решилась применить оружие.

СНОВА В БОЯХ

Грубое вмешательство английских войск во внутренние дела Греции вызвало протест Советского правительства. Советское заявление было поставлено в повестку дня Заседания Совета Безопасности 1 февраля 1946 года, но англо-американская машина голосования его отклонила.

Чтобы создать видимость «демократии», на 31 марта 1946 года в Греции были назначены парламентские выборы, хотя для их проведения не было нормальных условий. Компартия и ряд левых партий и организаций принимают решение о бойкоте парламентских выборов, который, как показала жизнь, был ошибкой левых сил Греции. Он еще больше осложнил и ухудшил их положение.

Белый террор продолжал свирепствовать и накануне выборов. По данным организации «Национальная солидарность», за время с 12 февраля 1945 года, когда было подписано Варкизское соглашение, по день выборов, 31 марта 1946 года, в Греции было убито 1289 патриотов, ранено 6671, подвергнуто пыткам или замучено 31632 человека, арестовано 84931.

Чтобы спастись, 150 тысяч человек из деревень бежали в города. Было ограблено и разрушено 18767 зданий и 677 служебных помещений.

В стране действовали 166 монархо-фашистских банд. На каждые 45 жителей был один убитый, каждый десятый находился в тюрьме.

Вскоре после выборов сформировали монархическое правительство во главе с лидером народной партии Цалдарисом. Считая обстановку благоприятной, это правительство назначило на 1 сентября 1946 года референдум о восстановлении монархии. Большинство

населения крупных городов высказывалось против реставрации. Но результаты референдума были подтасованы, и 28 сентября 1946 года король вернулся в Грецию.

Террор продолжает усиливаться. В этих условиях греческие патриоты снова берутся за оружие. В ряде районов страны появляются партизанские отряды. Коммунистическая партия направляет своих лучших сынов, имевших опыт войны в ЭЛАС, для руководства отрядами нового сопротивления.

Во второй половине 1946 года Белояннис уходит в горы к партизанам, действовавшим на юге Пелопоннеса.

«Демократическая армия{28 октября 1946 года разрозненные партизанские отряды объединились в Демократическую армию Греции (ДАГ).} на Пелопоннесе закалялась в исключительно трудных условиях, значительно более трудных, чем это было в других районах страны», — писал впоследствии Белояннис.

«Первая причина заключалась в том, что Пелопоннес еще издавна был оплотом реакции, и народно-освободительное движение против немецких захватчиков, несмотря на свою широту, не охватило большинства населения полуострова.

Другая трудность состояла в том, что вследствие террора после Варкизы все активные сторонники демократии (примерно 15 тысяч) выехали в Афины и находились там.

По этим причинам партизанское движение на Пелопоннесе вначале встречалось с большими трудностями. Перед первыми вооруженными группами патриотов, подвергавшимися преследованию, стояли две главные задачи: 1) установление контактов с мирным населением, оставшимся в деревнях, и 2) уничтожение террористов и вербовка новых добровольцев.

Можно сказать, что эти обе задачи были хорошо решены.

Вопрос установления дружественных отношений с крестьянством начал решаться с первых шагов партизанского движения. В сентябре 1946 года партизанская группа в полдень неожиданно окружила одну из деревень в районе Мегалополиса и захватила там вооруженную банду. Когда у бандитов было отнято оружие, партизаны собрали всех жителей деревни и сообщили, что им совершенно нечего опасаться, если они будут жить спокойно и не будут помогать врагам народа. Этот опыт был в ближайшие же дни повторен в ряде других деревень Пелопоннеса. Где без сопротивления, а в некоторых местах с незначительным сопротивлением были обезоружены все деревни, поддерживающие правые партии. Все те, кто оказал сопротивление, были наказаны.

Такая тактика партизан оказала большое влияние на тысячи сторонников правых, которые фактически были обезврежены. Многие из тех, кто с появлением первых партизанских групп от страха сбежал в город, начали снова возвращаться в деревни. Затем начался разгром бандитов и террористов, борьба с которыми была трудной, но полезной, учитывая, что когда-то монархо-фашистские банды опирались на вооруженные массы правых и в какой-то степени — на невооруженных крестьян. Действия партизанских групп принудили бандита Кацареаса скрыться в город.

Что касается разрешения второй задачи о вербовке партизан-добровольцев, решающую роль в этом деле сыграла партизанская операция в Спарте по освобождению из тюрьмы народных борцов. С того времени части греческой Демократической армии на Пелопоннесе начинают развивать успех, который заставлял монархо-фашистов и их покровителей исходить от злобы бешеной слюной.

Одной из основных причин таких успехов партизанского движения была правильная тактика, которую применяли партизанские группы на Пелопоннесе. Эта тактика хорошо сообразовалась с местными специфическими условиями и опиралась на постоянное передвижение, на маневр, на измор противника. Вместо постоянного пребывания в одном районе партизанские группы перемещались в разные места и проникали в наиболее уязвимые позиции неприятеля, принуждая его обороняться.

Другая характерная черта партизанской тактики на Пелопоннесе состояла в тщательном выборе объекта нападения и сосредоточении возле этого объекта хорошо организованной ударной силы. В этой связи даже и в населенных пунктах неудачи были незначительны».

Скромность не позволила Никосу указать, кому же в значительной мере были обязаны партизаны выработкой этой правильной тактики...

В начале 1947 года Белояннис получает новое поручение Центрального Комитета КПГ. Он начинает работать в штабе главного командования Демократической армии.

Первое время в штабе Белояннис работал начальником отдела пропаганды и агитации при главном командовании ДАГ. По его просьбе в дальнейшем он переходит на работу политкомиссара бригады, а затем его назначают начальником третьего (оперативного) отдела штаба главного командования.

Теперь Белояннис вместе с небольшим числом сотрудников занимается разработкой оперативных действий частей ДАГ. Он внимательно изучает результаты боев отдельных дивизий, учитывает недостатки частей в ходе сражений, промахи, допущенные при составлении плана операции и ее осуществлении. На основе анализа этих данных,

подготовленных Белояннисом, командованию частей ДАГ давались подробные оперативные указания с тем, чтобы не повторять ошибок и упущений и в сражениях с врагом иметь минимальные потери.

В отдельные части ДАГ не только рассылались письменные приказы, исходившие от штаба главного командования и от руководимого Белояннисом оперативного отдела, но в самом главном штабе часто собирались совещания командиров для разбора прошедших сражений или разработки новой операции.

Белояннис считал, что перед боем или перед выполнением какой-либо боевой операции командир части должен, если только позволяют условия, собрать подчиненных ему командиров и коллективно разработать наилучшее решение операции. И этого принципа он придерживался в своей практической работе в штабе.

Белояннис известен мировой общественности как прекрасный партийный организатор, как пропагандист — воспитатель масс, как организатор и руководитель народной борьбы. Но мало кому известно, что Белояннис, будучи в армии, был не только хорошим военачальником, но и замечательным военным теоретиком. В условиях вооруженной борьбы Белояннис находит время для того, чтобы заниматься разработкой отдельных военно-теоретических вопросов. Он пишет для теоретического журнала ДАГ «Демократикос стратос» ряд статей по тактике вооруженной борьбы, тактике, которая обеспечивала бы победу над врагом ценой малой крови. Белояннис пишет эти статьи на основе использования боевого опыта, глубокого анализа военных операций, успешных и неудачных. В статьях, опубликованных в журнале «Демократикос стратос», Белояннис поднимает важные вопросы боевой партийной морали офицеров и бойцов Демократической армии.

Белояннис во всех статьях делает упор на необходимость непримиримой борьбы со слабостями, с недостатками. Без этого нет успеха, нет победы.

И все же работа в оперативном отделе не совсем удовлетворяла Белоянниса, привыкшего всегда находиться среди народа. Он обращается к главному командованию с просьбой о переводе его на военно-политическую работу и скоро получает назначение политическим комиссаром десятой дивизии ДАГ.

Как политический комиссар крупного военного соединения, Белояннис не только руководит политико-воспитательной работой, но сам активно участвует в боевых операциях.

Белояннис верил в свой народ, прислушивался к его голосу, Белояннис всегда опирался на поддержку народа. В этой связи представляют интерес воспоминания одного из командиров Демократической армии, хорошо знавшего Белоянниса. Вот что он рассказал:

«Демократическая армия заставила врага оставить Вичи и Преспу. Но прежде чем уйти из этих районов, враг создал там широкую шпионскую сеть. От шпионов регулярно поступали сведения о всех передвижениях частей Демократической армии. Вражеские самолеты бомбардировали скопления наших войск, склады с боеприпасами и продовольствием, центры медицинского обслуживания.

Надо было срочно разгромить и уничтожить шпионскую сеть, но это не легко было сделать. Белояннис, который должен был помочь в этом трудном деле, при первой же встрече обратил внимание на ту большую роль, которую играют народные массы в борьбе с врагом.

— Надо поднять бдительность населения, и шпионская сеть будет разгромлена. Другим путем сделать ничего нельзя, — сказал он.

Он питал глубокую любовь к народу, и это вызывало ответное доверие. Народ верил Белояннису и любил его. Мы проехали все деревни районов Вичи и Преспы. Уже через некоторое время у шпионов начались сплошные провалы. Вскоре все враги народа были пойманы и арестованы».

Борьба Демократической армии Греции с монархо-фашистскими войсками велась во многих районах страны. Монархо-фашистское правительство, мобилизовав почти всю свою двухсоттысячную армию, бросило ее против патриотов. Английские генералы разъезжали по фронтам. Англичане снабжали монархо-фашистов боевой техникой.

Однако попытки англичан уничтожить Демократическую армию в самом начале ее возникновения полностью провалились. ДАГ не только не была разгромлена, но еще более окрепла.

В январе 1947 года стало ясно, что англичане больше не в состоянии оказывать необходимую поддержку греческой реакции.

На смену английским интервентам после провозглашения 12 марта 1947 года «доктрины Трумэна» об американской помощи Греции и Турции приходят империалисты США. В июне 1947 года в Афинах между США и Грецией было подписано соглашение об «американской экономической помощи» Греции. Американские военные берут в свои руки руководство операциями против Демократической армии и намереваются быстро одержать над ней победу. Они планируют крупные военные операции против ДАГ с применением мощной боевой техники, включая авиацию, тяжелую артиллерию и танки. Так начались «операции по очищению».

Цель этих кампаний, говорили американцы, состоит в том, чтобы «уничтожить партизан и положить конец

гражданской войне».

Одновременно в стране усилились массовые репрессии против мирного населения. Тысячи людей во вновь созданных концлагерях на островах Макронисосе, Юре и других подвергаются страшным истязаниям и пыткам. Генералов и офицеров ЭЛАС арестовывают и заключают в концлагеря. Арестованы, преданы суду и сосланы все члены ЦК ЭАМ и ЭПОН. Всех активистов и рядовых членов этих организаций преследуют монархо-фашисты. В конце 1947 года Коммунистическую партию Греции объявляют вне закона.

Но, несмотря на эти репрессии, и значительное превосходство монархо-фашистских войск в численности и технике, «операции по очищению» одна за другой оканчиваются провалом. Сражения развертываются на всех участках фронта с большой силой.

Натиску монархо-фашистов, невиданной концентрации военной техники Демократическая армия могла противопоставить всего несколько тысяч бойцов (около 10 тысяч) и легкое вооружение. У ДАГ отсутствовали авиация и зенитная артиллерия, вместо которой были тяжелые пулеметы. Но на стороне Демократической армии были высокий боевой дух бойцов, их безграничная смелость и мужество, симпатии и поддержка большинства населения.

В августе 1949 года, когда реакция бросила против Демократической армии все свои наличные силы и огромное количество американской боевой техники, временное демократическое правительство решило прекратить борьбу. Дальнейшее сопротивление становилось бесперспективным.

Хотя Белояннис был политическим комиссаром дивизии, ему до самых последних дней существования Демократической армии поручались доклады по разбору военных операций.

Характерен такой пример, о котором рассказывали очевидцы. В начале 1949 года Демократическая армия Греции активизировала свои операции и заняла в Северной Греции город Наусу. На Пелопоннесе к этому времени было освобождено 393 деревни. Развивая свой успех в Северной Греции, части ДАГ после занятия Наусы хотели с ходу занять город Флорину, но потерпели поражение.

На оперативном совещании командного состава разбирались причины неудачи этого наступления. Белояннис подверг критике действия частей ДАГ, атаковавших Флорину, и сделал детальный разбор этой операции. Он сказал тогда, что «с билетом, с которым части Демократической армии приехали в Наусу, нельзя было въехать во Флорину».

Но основную свою задачу Белояннис, как политический комиссар, видит в постоянном повышении боевого духа армии. Он считает, что мало только разъяснять воинам цели борьбы, вселять в них веру в правоту дела, за которое борется Демократическая армия. Это только одна сторона медали.

Боец должен быть всегда бодрым и жизнерадостным, он должен знать цену радости, смеха, должен развлекаться, петь, танцевать. Веселый и разносторонне талантливый Белояннис сам участвует в самодеятельности, организовывает выпуски «живой газеты», пишет текст веселого обозрения.

И всегда помнит о силе личного примера руководителя. Он не упускает случая принять участие в том или ином сражении на самых опасных участках.

Во время ожесточенных боев на Граммосе в июле 1948 года, когда американцы проводили одну из крупнейших «операций по очищению», в сражении за Голио — Каменик Белояннис был ранен в руку. Но он отказался от предложения лечь в госпиталь и предпочел

остаться на позициях. Только когда началось загноение раны, Белояннис оставил свой боевой пост.

Дорога в бессмертие

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Демократическая армия Греции не согнулась и не разгромлена. Она продолжает быть крепкой, ее силы не тронуты. Она прекратила кровопролитие, чтобы спасти Грецию от полного уничтожения, потому что ставит интересы народа превыше всего.

На протяжении нескольких лет мы в гуманных целях предпринимали усилия к достижению внутреннего умиротворения. Это подтверждается и тем, что наши силы на Граммосе и Вичи прекращают войну с целью содействовать умиротворению Греции. Это не означает капитуляции. Это означает глубокую преданность интересам родины, которую мы не хотим видеть полностью разрушенной.

Мы будем бдительны и ни на минуту не прекратим нашей борьбы за интересы народа, за его политические и экономические права».

С таким воззванием в октябре 1949 года обратилось Временное демократическое правительство Греции к народу.

Было решено вывести Демократическую армию из пределов страны. С этой целью еще в сентябре главное военное командование предприняло отвлекающее наступление некоторых частей Демократической армий в Фессалии. Предстояло провести очень ответственную военную операцию, от удачного исхода которой зависела судьба тысяч бойцов и командиров ДАГ.

Центральный Комитет Компартии Греции и военное командование ДАГ поручили руководить этой операцией Белояннису. Именно Белояннис, имеющий большой военный опыт, хорошо знакомый в военной тактикой, знающий людей и пользующийся авторитетом

политического руководителя, мог наиболее успешно выполнить такое ответственное задание.

Операция была тщательно подготовлена, и с относительно небольшими силами Белояннис осуществил бросок в направлении Фессалии. Так было создано впечатление, будто Демократическая армия переходит к наступательным операциям. Между тем основной состав ее незаметно был снят с занимаемых позиций. Офицеры и бойцы Демократической армии выехали в Советский Союз и страны народной демократии.

Только когда Белояннис получил сообщение об отходе Демократической армии, он вместе с последним отрядом покинул Грецию.

Гражданская война окончилась. Тяжело было Никосу оставлять родную страну. Дело, ради которого народ взялся за оружие, осталось незавершенным. Но, покидая родину, Белояннис был твердо уверен, что скоро снова вернется продолжать борьбу за ее свободу.

Компартии Греции предстояло перегруппировать демократические силы, сплотить их в общий фронт, в новых условиях бороться за экономические права народа, за независимость, за мир.

Так решили VI и VII пленумы ЦК КПГ.

Реакция в период гражданской войны разгромила большинство партийных организаций. Компартия была вне закона, вела борьбу в глубоком подполье, и все же коммунисты восстанавливали свои связи с массами и возглавляли их борьбу.

Но чтобы успешно проводить в жизнь решения VI и VII пленумов ЦК КПГ, нужно было направить в Грецию авторитетного партийного работника, знающего хорошо условия подпольной борьбы и имеющего опыт массово-политической работы.

Апрельским вечером 1950 года на аэродроме в Эллинико недалеко от Афин из приземлившегося

самолета вышел рослый, хорошо одетый человек с небольшим чемоданчиком в руках. Он подошел к контрольному пункту аэропорта и, когда до него дошла очередь, предъявил паспорт.

Прибывший вышел из аэропорта, сел в такси и поехал в Афины. На одной из людных афинских улиц он остановил машину и скоро растворился в общем людском потоке.

Это был Никос Белояннис.

Условия нелегальной работы были исключительно трудными. Террор, который достиг своей кульминационной точки в годы гражданской войны, продолжал еще свирепствовать. Видные демократы сидели в тюрьмах и концентрационных лагерях. Афины и Пирей были наводнены полицейскими агентами. Чрезвычайные военные трибуналы выносили демократам смертные приговоры.

В это время США вели широкие военные приготовления в районе Средиземного моря и в Греции.

Правительство США старалось вовлечь Грецию в агрессивный Североатлантический блок. В этих условиях одной из главных задач компартии становится борьба за мир. Под ее руководством расширяется и крепнет демократическое движение, теснее объединяются прогрессивные силы страны. Греческий народ протестует против строительства аэродромов и размещения в Греции иностранных военных баз. Коммунистическая партия Греции выступает с заявлением, в котором говорится:

«Американцы готовят греческую армию в качестве своего передового вооруженного отряда в войне против Советского Союза и стран народной демократии. Однако они глубоко ошибаются, так же как заблуждался в свое время Гитлер. Так же как в 1941-1944 годах Гитлер не смог мобилизовать ни одного грека для борьбы против Советского Союза, англо-американским империалистам

не удастся мобилизовать ни одного грека против стран народной демократии и страны социализма.

Греция и греки никогда не будут воевать против Советского Союза и стран народной демократии. Любая попытка американских монополистов и монархо-фашистов вовлечь нашу страну в военную авантюру приведет к тому, что наша страна станет могилой монархо-фашизма и американократии в Греции».

Создаются нелегальные комитеты защиты мира в Афинах и во всех крупных городах Греции. Они выпускают обращения и во многих тысячах экземпляров распространяют их среди народа. Призывают рабочих и крестьян, служащих и интеллигентов, всех патриотов бороться за сокращение численности армии и за роспуск фашистских террористических банд. Призывают подписывать Стокгольмское воззвание. Борцы за мир с большим риском сами собирают под ним подписи.

На стенах домов в разных городах появляются надписи: «Мы требуем мира и демократии», «Мы требуем всеобщей амнистии».

Никос Белояннис — в центре всей этой борьбы греческого народа.

Как прежде он занимался разработкой тактики и стратегии военных операций, так теперь он один из руководителей нелегальной борьбы коммунистов и всех патриотов родины за мир. С первых же дней своего нелегального возвращения в Грецию он восстанавливает старые знакомства и заводит новые, вовлекает патриотов в борьбу.

Огромные военные расходы за время гражданской войны подорвали экономику страны. Экономика еще более ухудшилась благодаря погоне греческой олигархии за сверхприбылями и расхищению богатств страны иностранными монополиями. Все это сопровождалось скандальными аферами и растратой государственных средств.

Американцы, ставшие хозяевами Греции, господствовали во всех областях жизни страны. Американские эксперты и советники, сидевшие во всех греческих министерствах, требовали сокращения кредитов на восстановление страны, увеличения налогов. Американские эксперты настаивали на повышении на 20 процентов цены на хлеб.

Греческая промышленность находилась в состоянии тяжелого кризиса. Промышленные предприятия прекращали работу. Рабочих выбрасывали на улицу. Безработица принимала огромные размеры. 350 тысяч человек были лишены работы и около миллиона было полубезработных.

Борьба за мир органично сочетается с борьбой трудящихся за хлеб, за экономические права. Расширению этой борьбы способствует проводившаяся правящими кругами под давлением США милитаризация страны, которая целиком легла на плечи народа. Растут цены, растут налоги, сокращаются кредиты на восстановление страны и ширится забастовочное движение. Бастуют рабочие, служащие государственных учреждений и частных компаний, учителя и даже учащиеся. Ни террор, ни преследования, ни угрозы военно-полевого суда не могут остановить этой мощной забастовочной волны.

В ЗАСТЕНКАХ ОХРАНКИ

В конце 1950 года снова усиливается террор против демократов. Полиция устраивает облавы арестовывает сотни людей в домах и прямо на улице. Под эту волну массовых арестов попал и Никос Белояннис.

Его взяли 20 декабря 1950 года в Афинах.

А через неделю, 27 декабря, была арестована и Элли Иоанниду, его жена и соратник по борьбе.

Недолго были они вместе.

Никос и Элли встретились и полюбили друг друга, когда Белояннис нелегально вернулся в Афины. Несколько месяцев их большого счастья были заполнены борьбой, которой они оба посвятили свою жизнь. И эта любовь помогла им перенести тяжелые испытания, которые выпали на их долю.

Белояннис отказался назвать себя арестовавшим его полицейским, и только через несколько дней охранка узнала, какая крупная фигура попала в ее руки.

В правящих кругах давно уже вынашивался план организации большого процесса, цель которого — опорочить деятельность коммунистической партии и ее руководящих работников.

Теперь главными обвиняемыми на этом процессе должны были стать Белояннис и Иоанниду. Их решили обвинить в нарушении закона № 509 — о мерах обеспечения безопасности государства. Вскоре их портреты были расклеены по всей столице вместе с обращением к населению дать показания об их антинациональной деятельности. С такими же призывами полиция обращалась к зрителям в кинотеатрах перед началом каждого сеанса. На экранах демонстрировали портреты Никоса, Элли и других арестованных патриотов.

Охранке во что бы то ни стало нужно было заполучить свидетелей против обвиняемых.

Арестованных демократов пытали, жестоко избивали, а в перерывах между пытками содержали в одиночных камерах без света и вентиляции.

Зимой камеры похожи на ледники, летом же напоминают раскаленную печь. В этих могилах заключенные были заживо похоронены в течение многих месяцев. Гробовая тишина одиночки нарушалась только стонами и отчаянными криками допрашиваемых.

От истязаний заключенные сходили с ума. Из охраны попал в сумасшедший дом Цамис, видный ученый, профессор математики.

Таким способом охранке удалось вырвать показания у некоторых обвиняемых, сделав их одновременно свидетелями. И все же понадобилось более 10 месяцев, чтобы хоть как-то состряпать обвинение в нарушении закона № 509.

СУД НАД ПРАВДОЙ

Суд над Никосом Белояннисом и его товарищами, так называемый «процесс 93-х», начался 19 октября 1951 года в пять часов пополудни в здании Афинского военного трибунала на улице Сантароза. Небольшой зал был битком набит переодетыми в штатское полицейскими. Большинство из них — свидетели обвинения, но многие только на фотографии видели обвиняемых.

Это самый большой процесс по числу участников, который когда-либо был в Греции. Всего в нем участвовало около 500 человек. Только список одних свидетелей обвинения включал 153 фамилии.

Председателем военного трибунала был назначен полковник Ставропулос. Махровый фашист, он в период немецкой оккупации сотрудничал с гитлеровцами, а после освобождения страны от немцев расправлялся с греческими патриотами. Во время гражданской войны полковник Ставропулос участвовал в боях против Демократической армии и был известен своей жестокостью по отношению к мирному населению районов военных действий.

Обвинительное заключение для всех было стандартным. Нарушение закона № 509. Всех обвиняли в стремлении «к насильственному ниспровержению существующего строя» и «к отторжению части территории Греции». При этом не приводилось никаких конкретных доказательств вины подсудимых.

Защита в заявлении трибуналу потребовала отсрочить судебное разбирательство в связи с неявкой ряда свидетелей, по показаниям которых привлечены к суду многие из обвиняемых. Предварительное следствие, указывала защита, произведено охранкой

незаконно. Ни одно из «преступлений», инкриминируемых обвиняемым, не доказано. Об этих «преступлениях» ничего не было сообщено судебному следователю и не было проведено нормальное предварительное следствие. Защита, кроме того, подчеркивала, что поскольку еще в 1950 году в стране введен новый уголовный кодекс, закон № 509 уже не действует и никакой юридической силы не может иметь обвинительный акт, составленный на основе этого закона.

Но военный Трибунал отклонил требование защиты. Судебное разбирательство началось, и сразу же посыпались «сюрпризы». Председатель трибунала оглашает имена обвиняемых. Один за другим они поднимаются, когда председатель называет их фамилии.

— Георгий Цамис!

Молчание.

Председатель раздраженно повторяет.

— Георгий Цамис!

Со скамьи подсудимых отвечают:

— Цамиса нет. Он в сумасшедшем доме после одиночки.

Раздаются протестующие голоса немногих родственников, которым с трудом удалось попасть в зал.

Полковник Ставропулос ведет судебное заседание грубо. Он мешает адвокатам, перебивает их и лишает слова, оскорбляет обвиняемых, не давая им возможности нормально вести свою защиту, запрещает задавать вопросы свидетелям обвинения.

Одному из обвиняемых, сказавшему что-то неугодное, председатель трибунала крикнул: «Саксе!», что означает «Заткнись!»

Другой подсудимый заявил:

— Конституция моей страны защищает меня и позволяет мне отстаивать свои убеждения.

Полковник заорал:

— Довольно, все это мы уже слышали!

Вот еще один из обвиняемых попросил разрешения задать вопрос свидетелю обвинения — и в ответ на это новый окрик полковника:

— Садись, я запрещаю задавать вопросы... Все вы скоты.

В обвинительном заключении говорилось о заговоре, угрожавшем безопасности государства. Но свидетели не могли представить никаких убедительных доказательств.

Свидетели обвинения — полицейские агенты — в своих показаниях ссылались не на конкретные факты антигосударственной деятельности обвиняемых, а говорили лишь о встречах их друг с другом, называя эти встречи «партийными».

Этот вывод они делали, исходя из политических взглядов обвиняемых, основываясь на их патриотическом прошлом, на их участии в движении Сопротивления, на том, что обвиняемые боролись за мир и некоторые из них раздавали листовки с призывами к миру или писали на стенах домов патриотические лозунги о мире и демократии.

Первые же показания свидетелей обвинения убедили всех, что процесс инсценирован.

Видный английский адвокат Лефлер, присутствовавший на процессе в качестве наблюдателя, заявил: «На этом процессе скорее судили идеи, чем людей за их действия. Во время процесса не было доказано, что со стороны обвиняемых было совершено какое-либо действие, которое оправдало бы обвинение их «в попытке насильственного ниспровержения строя или существующего общественного порядка».

Военный трибунал делал главную ставку на показания свидетеля обвинения Ангелопулоса,

начальника службы подавления коммунизма генеральной охраны.

Свидетель говорит тихо, и его показания не слышны. Защитники заявляют протест и требуют, чтобы в зале установили микрофон.

— Мы не получаем из-за границы деньги, чтобы покупать микрофоны, — отвечает председатель.

— Микрофоны есть у американцев, — подает реплику Белояннис.

Председатель трибунала взбешен:

— Я прикажу удалить вас, и вас будут судить заочно. Я имею на это право.

— Это бесполезно, — замечает Белояннис. — Нас и так судят заочно. Ведь мы не слышим показания свидетелей.

Полицейский Ангелопулос говорит, что при аресте Белояннис не назвал своего имени и его личность была установлена только после того, как полиция сняла отпечатки пальцев. Никос Белояннис обращается к полицейскому агенту:

— Вы утверждаете, что я приехал сюда для того, чтобы проводить в жизнь резолюции ЦК КП Греции?

— Да, — ответил агент.

— В этих резолюциях говорится, что в основе деятельности КПГ лежит борьба за хлеб, за демократические свободы народа, за мир. Не так ли? — спрашивает Белояннис.

— Да, так, — согласился свидетель обвинения.

— Следовательно, борьба за хлеб, за демократические свободы и за мир является заговором против Греции?

— Нет, — отвечает полицейский.

— Спасибо, — говорит Белояннис. — Только это я хотел у вас выяснить.

Прошло несколько дней суда. Дали показания два главных свидетеля обвинения, на которых особенно

рассчитывал военный трибунал. Однако оба они полностью провалились. Полковник Ставропулос вне себя. Он вызывает Ангелопулоса и требует хоть из-под земли достать документальный материал, компрометирующий Никоса Белоянниса как главного обвиняемого по этому процессу.

Спустя несколько дней полицейский Ангелопулос снова дает свидетельские показания. На этот раз он предъявляет суду разного рода фотоснимки. Ангелопулос утверждает, что принесенные им фотокопии воспроизводят переписку между обвиняемыми Белояннисом и Канеллопулосом.

Белояннис спрашивает, у кого захвачены записки или откуда были получены эти фотокопии. Почему они предъявляются только сегодня, а не приобщены к судебному делу с самого начала.

Под предлогом государственной тайны свидетель обвинения отказывается отвечать на вопросы.

Белояннис и Канеллопулос решительно заявляют: они не имеют никакого отношения к этим запискам.

«Процесс 93-х» продолжался 25 дней.

Большинство обвиняемых вели себя мужественно. Они опровергали лживые измышления свидетелей, председателя суда и прокурора. Прямо и честно говорили они о своих демократических убеждениях, не страшась суровых последствий. Они защищали великое дело национально-освободительной борьбы, осуществляемое компартией в самые трудные для страны годы немецкой и англо-американской оккупации. В своих выступлениях на суде патриоты показали величие дел компартии как подлинно национальной партии, защищающей интересы греческого народа.

У королевского прокурора не было никаких доказательств того, что обвиняемые нарушили закон № 509, дающий право преследовать и осуждать на смерть всякого, кто «стремится провести в жизнь идеи,

имеющие целью ниспровержение существующего строя и социального порядка». У прокурора не было против обвиняемых никаких фактов, которые входили бы в рамки закона. Несмотря на это, королевский прокурор потребовал для Никоса Белоянниса, Элли Иоанниду и для восьми других обвиняемых смертной казни.

БЕЛОЯННИС ОБВИНЯЕТ

Председатель военного трибунала полковник Ставропулос стремился ослабить впечатление, произведенное на общественность потрясающими разоблачениями, сделанными на суде обвиняемыми демократами. Однако столичные газеты ежедневно публиковали выдержки из протоколов суда, и вся гнусная судебная процедура, весь этот фарс становились известны не только в Греции, но и за ее пределами. Военное министерство указывало полковнику Ставропулосу на то, что процесс слишком затягивается. Полковник торопился. Военный трибунал начинал заседать рано утром и заканчивал работу поздней ночью. Не было ни одного дня передышки. По воскресеньям заседания проходили, как и в обычный день. Расчет был прост. Надо довести до предела нервное напряжение обвиняемых, истощить их физические силы и заставить признаться в несовершенных ими преступлениях.

Защитительные речи обвиняемых были краткими. Многим просто нечего было сказать. Они даже не знали, за что их посадили на скамью подсудимых. Во время предварительного следствия им не предъявлялось никаких конкретных обвинений. Да и сам военный трибунал в ходе судебного процесса не обращал на многих обвиняемых вообще никакого внимания. Зато когда вопрос касался Белоянниса, Иоанниду и некоторых других, полковник Ставропулос просто выходил из себя.

Председатель трибунала предоставил Белояннису последнее слово для защиты внезапно, в два часа ночи.

Ставропулос рассчитывал, что Белояннис не сможет найти в себе достаточных сил. Кроме того, он видел, что

некоторые журналисты, утомленные продолжительным судебным разбирательством и полагающие, что заседание скоро окончится, стали покидать зал.

Белояннис собрал бумаги, посмотрел на часы и подошел к микрофону. В зале наступила полная тишина. Белояннис взглянул на военных судей и спокойным, твердым голосом начал свою речь.

— Господа военные судьи, прежде всего я хотел бы прочесть вам несколько строк из старого номера одной газеты, которая по сравнению с другими газетами все же написала меньше фантазии о моем аресте. — Белояннис достает газету «Фильэлефтерос» и читает. — «Когда Белоянниса арестовали, при нем было найдено 30 миллиардов драхм... у Белоянниса был найден архив компартии, на основе материалов которого можно предположить, что имеются предприятия, общества и рестораны, которые принадлежат компартии». — Белояннис отложил газету в сторону и продолжал: — Это только небольшая часть детективной истории того времени, опубликованная отнюдь не случайно. Это было сделано с целью создать такую атмосферу, в условиях которой наши противники могли бы оклеветать политику компартии и потребовать голову Белоянниса. Некоторые из моих товарищей по процессу выражали удивление по поводу того, что они здесь находятся. Меня это несколько не удивляет. Я предстаю перед судом как член Центрального Комитета Коммунистической партии Греции. Меня судят потому, что моя партия борется за мир, за независимость, за свободу. Именно эту политику Коммунистической партии Греции вы пытаетесь судить в моем лице.

То, о чем я сейчас скажу, направлено прежде всего на то, чтобы укрепить политическую линию партии, защитить те принципы, в которые я глубоко верю, а не для того, чтобы спасти свою жизнь.

Но моя жизнь, — взволнованно говорит Белояннис, — неразрывно связана с историей Коммунистической партии Греции и с ее деятельностью. Я мог бы жить в достатке, но я предпочел жизнь, полную опасностей и лишений. На моем веку мне десятки раз приходилось выбирать между жизнью и смертью. Жигь, изменив своим убеждениям, или умереть, оставаясь верным своим идеалам и своим убеждениям. Я избрал этот трудный путь в прошлом и сегодня предпочитаю этот же путь, каким бы трудным он ни был.

Белояннис касается пресловутых «деклараций об отречении», которые заставляли подписывать демократов в фашистских застенках.

— Со времени установления диктатуры Метаксаса, — говорит Белояннис, — в Греции было сделано приблизительно 120 тысяч деклараций об отречении. Установлено, что все они были сделаны под давлением: путем применения насилия и всякого рода шантажа. И вот возникает серьезная общественная и национальная проблема. Один политический режим, одна партия, партия правых, старается при помощи террора заставить другую партию отречься от своих политических идей, сдаться перед опасностью. Но подобный «урок» капитуляции преподносится не только членам левой партии, но и тем, кто является сторонниками правых партий. Таким образом всех греков учат сдаваться при встрече с опасностью и испытаниями. Я желаю, чтобы тем людям, которые стараются преподать подобные «уроки» другим, не пришлось самим пожинать плоды собственных усилий.

Иллюстрируя свою мысль, Белояннис напоминает суду о том, что во время гражданской войны офицеры монархо-фашистских войск добровольно сдавались в плен частям Демократической армии.

Один из военных судей перебивает Белоянниса:

— Господин председатель, он оскорбляет офицерский корпус.

— Вам следовало бы быть более выдержанным, — отвечает ему Никос. — Я говорю с вами прямо, без обиняков. Я говорю только то, что лично сам видел. Многие офицеры, попавшие к нам в плен, начинали рассказывать о том, что они нам всегда симпатизировали, что участвовали в Сопротивлении и т. д. У меня такие люди не вызывали никакой симпатии. Я уважал тех, кто смело заявлял, что сражается с нами во имя идеи, в которую верит. Их я считал людьми.

Первыми к насилию прибегли правые. Левые никогда не провозглашали насилие своим принципом или догмой...

В зале душно. Время приближалось к трем часам ночи. У Белоянниса пересохло горло, и он просит дать ему стакан воды. Председатель резко бросает:

— В такой поздний час достать воды нельзя.

— Это не имеет значения, — спокойно говорит Никос и продолжает свою речь.

Он переходит к изложению политики Коммунистической партии Греции и не оставляет без ответа ни один клеветнический выпад против ее действий.

Среди судей замешательство. Иногда кто-либо из них не выдерживает и грубо обрывает обвиняемого, предлагая ему прекратить свою речь.

— За это меня судят, — спокойно отвечает Белояннис и продолжает говорить.

Наконец не выдерживает королевский прокурор:

— Господин председатель, согласно закону № 509 компартия объявлена нелегальной и никто не может пропагандировать ее принципы, ибо это является преступлением.

— Именно за это меня судят, — опять отвечает Белояннис, — и я обязан об этом говорить.

Чем дальше говорит Белояннис, тем обнаженнее становится не только абсурдность выдвигаемых против него и его товарищей обвинений, но и звериное лицо греческой реакции.

Он вспоминает предательство монархо-фашистов во время войны, отказ их от выполнения Варкизских соглашений, предательство национальных интересов англо-американскому империализму, массовые преследования и убийства патриотов.

— Коммунизм — это идеал всего человечества, это международное движение, — говорил Белояннис. — При жизни Маркса была лишь горстка коммунистов. Ныне под знаменем социализма стоит 800 миллионов человек. Завтра социализм распространится по всей земле. Возможно ли, чтобы такое грандиозное движение было создано с помощью иностранного воздействия?

Белояннис отвечает на клеветническое обвинение в том, что КПГ является агентом «иностранной державы».

— Какой иностранный агент отдаст так беззаветно свою жизнь, как это делают во имя своих убеждений тысячи коммунистов? Эти жертвы коммунистов можно сравнить только с жертвами первых христиан. Но и здесь есть разница. Христиане шли на смерть и муки в надежде унаследовать царствие небесное, завоевать себе вечное блаженство на небе, в то время как коммунисты отдают свою жизнь, не ожидая ничего получить за это взамен. Они жертвуют ею сегодня с тем, чтобы для человечества настали лучшие, счастливые времена, до которых они сами могут и не дожить. Какой иностранный агент способен отдать свою жизнь ради такой великой цели?

В зале полная тишина. Присутствующие сидят затаив дыхание. Журналисты делают заметки. Полковник Ставропулос пытается рассеять впечатление от речи Белоянниса и опять прерывает ее:

— Пора кончать заседание.

Но Белояннис не обращает на это внимания.

— Теперь я хочу подчеркнуть следующее: Коммунистическая партия Греции своими корнями уходит в народ. Партия связана с народом неразрывными кровными узами. Компартию нельзя уничтожить ни военными трибуналами, ни карательными отрядами. Целью политики коммунистической партии всегда была защита интересов нашего народа и нашей страны. Поэтому народ поддерживает партию. Коммунистическая партия требует умиротворения страны, ее экономического восстановления и демократического возрождения. Правые партии препятствуют осуществлению этой политики и, сея повсюду страх и ненависть, преступно приближают Грецию к новым трагическим катастрофам. Вы судите меня за политику моей партии. Ваши трибуналы не выражают народной воли. Это предвзятые суды. Вот почему я не прошу вашего снисхождения. С гордостью и спокойствием я приму ваш приговор и с высоко поднятой головой мужественно встану перед вашим карательным отрядом. Но я уверен, настанет день, когда нынешние судьи будут просить снисхождения у греческого народа. Больше мне нечего сказать.

Белояннис спокойно складывает бумаги и возвращается на свое место. Друзья пожимают ему руку, одна из женщин протягивает ему цветок красной гвоздики.

В своих защитительных речах другие обвиняемые говорили о бесчеловечном обращении с ними в охранке, о пытках и истязаниях, о требованиях подписать заявления об отречении от политических убеждений, Они разоблачали провокационные цели арестов, проводимых для закрытия демократической печати, говорили о подлинной сути затеянного процесса. Все эти

речи носили характер не защиты, а обвинения, направленного против антинародной политики реакционных правящих кругов. В своей защитительной речи Элли Иоанниду сказала:

«Вокруг моего ареста был поднят большой шум. Поэтому следовало ожидать, что на суде будет представлено достаточно документов. Ведь следователи мне сказали, что для документов по данному делу мало одного автомобиля и что меня мог бы «обелить» только «четырёхкратный» смертный приговор.

Однако в показаниях всех прошедших перед судом свидетелей обвинения не было ничего конкретного — полная пустота. Только полицейские дали какие-то туманные показания вроде того, что я была в городском комитете партии.

Для нас, коммунистов, многие понятия имеют совершенно другое значение, чем то, которое вкладывают в них наши противники. Так, например, родина, независимость, свобода имеют для нас подлинный смысл. Истинными защитниками родины, независимости и свободы являемся мы, коммунисты.

В этом испытании я верю только в борьбу КПГ. Именно КПГ держит в своих руках спасение Греции. Ныне только компартия говорит об умиротворении. Я горжусь политикой коммунистической партии, которая спасает Грецию. Я горжусь, что следую этой правильной линии».

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

15 ноября 1951 года последний день процесса. Зал суда переполнен. По-прежнему большинство из присутствующих — переодетые в штатское агенты секретной полиции. Присутствуют корреспонденты столичных газет и международных телеграфных агентств. Они спешно заносят в блокноты свои наблюдения. В зале суда находятся и родственники обвиняемых. Но их немного. Для них «не хватило» места.

Но Василики Белоянни здесь! Она давно не видела сына, с тех самых пор, как Никос попрощался с ней, уходя в горы, в Демократическую армию. Прошло уже столько лет! И каждый год был таким тяжелым и длинным... А вот теперь довелось встретиться с сыном, увидеть его. Василики слышала его выступления, его последнее слово. Мать гордится Никосом. И здесь, в зале военного трибунала, он сражается за народ, за мир.

В семь часов вечера суд удалился на совещание. Журналисты спросили у полковника Ставропулоса, сколько потребуется времени, чтобы вынести решение. Председатель немного подумал.

— Полагаю, к десяти часам мы все закончим.

Но пробило десять, одиннадцать, двенадцать — судьи продолжали совещаться. Прошло еще два часа томительного ожидания...

У родственников обвиняемых появляется робкая надежда. Может быть, приговор суда не будет очень суровым?..

Но журналисты не были так оптимистичны. По отношению к этому судебному процессу правительства, по тому, с какой грубостью и предубеждением вел заседания трибунала Ставропулос, они считали, что

главные обвиняемые не могут ожидать какого-либо снисхождения.

Время шло, Белояннис, ожидая приговора, был, как обычно, спокоен. Он читал Шекспира. Иногда, отрываясь от книги, он смотрел в слабо освещенный зал, где в заднем ряду сидела его мать, или обращался к своим товарищам и что-то говорил им.

В три часа утра 16 ноября раздался звонок. Четыре жандарма вскочили и взяли на караул. По коридору слышны тяжелые шаги. Раздалась команда: «Встать — суд идет». Все встают. Полковник Ставропулос с приговором в руках подходит к столу.

«Именем Его Величества короля эллинов Павла I чрезвычайный военный трибунал Афин приговорил к смертной казни...»

Председатель трибунала сделал паузу. Журналисты, как по команде, посмотрели на Белоянниса. Ведь прежде всего смертный приговор относится к нему... Он стоял спокойный, с чуть заметной иронической улыбкой.

«...приговорил к смертной казни: Белоянниса Николаоса, Иоанниду Элли, Грамменоса Статиса, Калофольяса Димитрия, Георгиаду Феодору, Маньяти Афродиту, Канеллопулоса Афанасия, Канеллопулоса Димитрия, Папаниколау Петроса, Дромазоса Евстафия, Пападопулу Калиопи, Котту Лизу...»

В зале кто-то вскрикнул. Старая, одетая в траур женщина падает на пол. Несколько человек вскакивают со своих мест, помогают поднять и привести ее в чувство.

— Кто это? — спрашивает председатель, отрываясь от чтения. — Мать?

— Да, да, мать, — отвечают ему полицейские. И чтение протокола продолжается.

К пожизненному заключению военным трибуналом приговорено два человека. Четверо к 20 годам тюрьмы, двое — к 15. Семь — к другим разным срокам. Военный

трибунал оправдал 47 обвиняемых. 29 из них — ввиду полной невменяемости.

Так закончился суд над правдой, процесс 93 демократов — крупнейшее послевоенное судебное дело. В развернувшейся битве моральную победу одержали Никос Белояннис и его товарищи. Греческая реакция и ее американские покровители, вдохновители этого процесса, потерпели поражение. Их планы опорочить в глазах греческого народа Коммунистическую партию Греции полностью провалились. Процесс показал, как высоко могут подняться люди, защищающие правду, и в какую глубокую бездну падают лжесвидетели, клятвопреступники, провокаторы, предавшие интересы своего народа.

Греческая и международная общественность своими демонстрациями, обращениями в ООН, телеграммами протеста греческому правительству потребовала остановить руку палача, занесенную над головой Белоянниса и его товарищей. Греческое правительство было обеспокоено этим всенародным возмущением.

Премьер Пластирас вынужден официально заявить, что смертный приговор Белояннису и его товарищам не будет приведен в исполнение. Об этом также заявил представитель Греции Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

После вынесения приговора Белоянниса направили из Афин в тюрьму на остров Корфу.

Многомесячное пребывание в одиночных камерах охраны, длительные ночные допросы, пытки, почти месячный судебный процесс в чрезвычайном военном трибунале не сломили мужества Белоянниса, не лишили его оптимизма, стремления к действию.

В тюрьме оказался надзиратель, любивший читать. Белояннис уговорил его покупать для него книги, прочитывал их, а потом дарил надзирателю. За это надзиратель давал Никосу бумагу от сигаретных коробок и хранил его записи.

Так в тюрьме на острове Корфу родилась монография «Корни новогреческой литературы». Белояннис исследовал вопрос о влиянии византийской литературы на новогреческую. Этот труд был издан в Афинах через несколько лет после убийства его автора под псевдонимом.

Но в тюрьме острова Корфу, где удавалось все же работать, Белояннис пробыл менее двух месяцев. Уже в начале января 1952 года его опять перевели в Афины и заключили в одиночную камеру охраны. Начались допросы по новому делу, на этот раз «о шпионаже».

Перевод заключенных из тюрьмы в полицейские застенки был запрещен законом, и депутат от партии ЭДА Эфремидис заявил протест министру юстиции. Однако протест остался без последствий.

Белоянниса и других арестованных по вновь сфабрикованному делу продолжали пытаться в охране.

Правительство Пластираса, пришедшее к власти при широкой поддержке демократов на парламентских выборах в сентябре 1951 года, не выражало, однако,

демократических чаяний большинства греческого народа. Оно старалось угодить американцам и все больше и больше уступало их настойчивому требованию усилить в стране преследования демократов.

Американцы выработали план борьбы с греческим демократическим движением, который предусматривал удаление из парламента депутатов партии ЭДА, запрещение демократических газет, аресты руководящих деятелей демократических организаций. Но основным пунктом плана было усиление борьбы с «коммунистической опасностью», организация второго судебного процесса над Белояннисом и его физическое уничтожение.

Правительство Пластираса под давлением американцев не замедлило начать осуществление этого плана. Оно объявило недействительными выборы депутатов от партии ЭДА, находившихся в заключении и ссылке. В частности, были объявлены недействительными выборы в парламент национального героя Греции Манолиса Глезоса.

19 января 1952 года правительством были запрещены газеты «Демократики» и «Фрури тис иринис» («На страже мира»), которые выступали за мир, за демократию и за всеобщую амнистию.

На другой день газета «Вима» писала: «Мы вправе утверждать, что американцы полностью одобряют запрещение газеты «Демократики», которое они рассматривают как доказательство желания правительства решительно бороться с угрозой коммунизма».

Всего к делу о шпионаже на основе закона № 375 привлекалось 29 человек, из которых шестеро уже были приговорены по предыдущему «процессу 93-х» к смертной казни. О ходе следствия систематически докладывалось американскому посольству, которое, как

сообщала греческая печать, следило за ним с «полным удовлетворением».

Обвинение Белоянниса «в шпионаже» в пользу иностранной державы было в действительности только ширмой, за которой скрывались настоящие цели этого процесса: 1) физически уничтожить Белоянниса; 2) опорочить деятельность Компартии Греции, представив ее как шпионскую партию, партию антинациональную, действующую якобы по указанию «некоей иностранной державы»; 3) добиться роспуска партии ЭДА и привлечь к ответственности ее руководителей.

С обвиняемыми и на этот раз не церемонились. Их держали в одиночных камерах охраны, всеми способами заставляли лжесвидетельствовать на своих товарищей по процессу, применяли пытки, в результате которых обвиняемые даже на суде находились в тяжелом физическом состоянии. Обвиняемым не дали времени для того, чтобы подготовиться к защите, изучить необходимые материалы.

Следствие производилось в спешном порядке. Нужно было как можно скорей начать процесс, так как в парламенте в феврале предстояло обсуждение вопроса о вхождении Греции в Североатлантический союз. Правительству нужно было с помощью антикоммунистической истерии и заявлений об «угрозе» Греции со стороны коммунизма облегчить голосование этого предложения, а кроме того, представить США доказательство своего полного повиновения.

Белояннису, Иоанниду и другим обвиняемым только 9 февраля (1952 года) сообщили, что на 15-е назначен судебный процесс.

Как и прежде, власти приняли меры предосторожности. Весь квартал, в котором находится здание трибунала, был оцеплен войсками. Народ старались близко не подпускать. Вместо публики в зале

сидели агенты тайной полиции, офицеры разведки генерального штаба, жандармы.

Председателю трибунала полковнику Симосу было поручено закончить процесс побыстрее. Заседания начинались в девять часов утра и продолжались до двадцати двух часов, а иногда затягивались до утра.

В обвинительном заключении утверждалось, что полиции удалось якобы раскрыть «шпионскую сеть» Компартии Греции, руководителем которой являлся Никос Белояннис. «Обвиняемые, — указывалось в обвинительном заключении, — осуществляли шпионаж в ущерб интересам Греции и передавали военные секреты руководству Коммунистической партии Греции. Компартия Греции подготавливает агрессию против Греции с помощью армий стран народной демократии. Она организует и руководит работой Единой демократической левой партии (ЭДА), с которой находится в контакте с помощью секретных радиопередатчиков, обнаруженных в районах Афин — Глифаде и Каллитее».

Одним из основных положений, на котором было построено обвинительное заключение, являлся шифровальный код, найденный якобы в тайнике в районе Каллитеи.

Военному трибуналу было предъявлено примерно три тысячи слов шифровального кода, которым якобы пользовалось руководство нелегального аппарата компартии в Афинах для связи с руководством КПГ, находящимся за границей. Военному трибуналу в качестве «вещественных» улик, была предъявлена также серия фальшивых радиogramм, которыми будто бы обменивались обвиняемые с «заграничным центром КПГ», и два радиопередатчика, обнаруженные в Каллитее и в Глифаде. Обвинением не было предъявлено ни одного подлинного документа. Понимая, что сфабрикованные фальшивки не

убедительны, палачи Белоянниса и в ходе предварительного следствия и на самом судебном процессе пытались обосновать обвинение не какими-то документами или конкретными фактами, а лишь показаниями свидетелей — в большинстве бывших агентов охраны и разведывательного отдела генерального штаба.

И нет ничего удивительного, что все эти «свидетели» в один голос утверждали: «Все коммунисты, левые являются шпионами, потому что они друзья Советского Союза». Если обобщить выступления свидетелей обвинения, то их высказывания на суде сводятся к следующему.

Коммунистическая партия является шпионской партией. Коммунисты прикрываются национальными лозунгами, чтобы обманывать наивных людей. Они передают военные секреты руководству Компартии Греции за границей, а это руководство, в свою очередь, передает их Коминформу. Коммунисты готовят нападение на Грецию:

Почти все свидетели обвинения в своих показаниях утверждали, что греческие политэмигранты, находящиеся в СССР и в странах народной демократии, проходят там военное обучение. Видный агент полиции Ракидзис, в частности, заявил: «За пределами греческих границ находятся 30 тысяч коммунистов, которые проходят военное обучение и специализируются в организации саботажа и для военного нападения на родину, как только этому позволят обстоятельства».

Свидетели обвинения извращали постановления III конференции КПГ и особенно то место, где говорилось о необходимости бороться за мир и указывалось, что народ и члены КПГ должны выступить против фашизма в случае агрессии монархо-фашистов против стран народной демократии.

Они извращали это положение и в своих показаниях представляли дело так, будто страны народной демократии должны напасть на Грецию и что при этом греческие коммунисты выступят против монархо-фашистов внутри страны. Несмотря на то, что решения III конференции КПГ были широко опубликованы, свидетели обвинения зачитывали выдержки из него в извращенном виде.

Все другие показания свидетелей обвинения касались донесений политических агентов об обнаружении секретных радиопередатчиков и о принадлежности обвиняемых к Компартии Греции.

Свидетели обвинения не могли сказать ничего конкретного, не могли привести ни одного факта против Никоса Белоянниса. Они лишь в общей форме высказывали свое мнение, что именно Белояннис реорганизовал нелегальный аппарат и что он «организовал шпионскую работу» КПГ.

Они ссылались при этом на показания одного из обвиняемых — Аргириадиса, оказавшегося полицейским агентом, будто Белояннис оставался ночевать в его доме, где находился один из секретных радиопередатчиков.

Но Белояннис опроверг это показание, заявив, что он никогда не был в доме Аргириадиса.

В связи с предъявленными Белояннису обвинениями не безинтересно привести вопросы, заданные адвокатом Белоянниса Цукаласом, и ответы свидетеля обвинения Ракидзиса.

Цукалас. Когда впервые вы установили, что информация, которую КПГ посылала за границу, носила «шпионский» характер?

Ракидзис. 14 ноября 1951 года, когда были найдены радиопередатчики и секретный шифр.

Цукалас. По документам, с которыми мы познакомились, никакой информации или военных

секретов до декабря 1950 года за границу не передавалось и передачи якобы начались только с января 1951 года. По какой причине?

Ракидзис. Возможно, потому, что группы по сбору информации не были еще созданы.

Цукалас. Радиопередатчики были установлены до января 1950 года, тогда как Белояннис прибыл в Грецию в июне. До его ареста в декабре 1950 года не существовало никаких серьезных данных, которые обвиняли бы его в шпионаже. Разве он виноват в том, что произошло после его ареста?

Ракидзис. Я полагаю, что нет.

Как ни усердствовала охранка, как ни старались клеветать свидетели обвинения, никто не верил, что обвиняемые являются шпионами, что они покушались на безопасность Греции.

Белояннис, Иоанниду, Лазаридис, Георгиаду, Грамменос и другие обвиняемые в своих выступлениях категорически отвергли клеветническое обвинение. Они разоблачали ложь свидетелей обвинения и показали, что Компартия Греции является патриотической партией, что она борется за мир, за свободу и за счастье греческого народа.

В последнем слове на суде Элли Иоанниду сказала:

«Если бы обвинение, которое на меня возводят, касалось бы только меня лично, я бы ограничилась тем, что отвергла его, заявив, что оно является клеветническим, отвратительным, короче говоря, я сделала бы все то, что сделал бы любой грек и гречанка. Но вопрос здесь не так прост. Некоторые факты наводят на размышления. Они имелись уже на предшествовавшем процессе. На том процессе упоминалось о докладе одного полицейского, который обвинял нас в шпионаже. Однако в решении суда это обвинение осталось незамеченным, хотя и королевский прокурор в своей обвинительной речи упоминал о том,

чтобы судить нас за шпионаж. Затем имелись заявления двух министров в парламенте. Один из министров тогда заявил, что тот процесс проводить не следовало, что его надо было прервать и направить нас в обычный военный трибунал. Другой министр тогда сказал, что мы являемся шпионами и что нас надо судить как шпионов. Что же все это означало? Одно из двух: или доказательства нашего предполагаемого участия в подобных актах существовали в момент предшествовавшего процесса и мы должны были бы быть судимы тогда, или искомая цель состояла в том, чтобы приговор в отношении нас был вынесен судом, который мог бы дать приказ о расстреле. Первый процесс был проведен чрезвычайным военным судом, и получить согласие на выполнение смертного приговора этого суда было нелегко.

Имеется еще третье обстоятельство, которое дает основания для раздумий. Это стремление организаторов процесса найти эффективное средство для преследования коммунистической партии...

Я не хочу отвечать на измышления свидетелей обвинения. Я полагаю, что процесс достаточно явно показал, что речь идет здесь не о личности, а о коммунистической партии. В целом, если коммунистическая партия является шпионской партией, тогда все коммунисты являются шпионами и в таком случае все эти процессы становятся излишними. С подобной системой можно легко обвинить любого. На первый взгляд это довольно удобно. Но в результате этого было бы новое ухудшение положения в Греции.

Я уверена, что уже ясно доказано, что, когда речь идет о том, чтобы нанести удар по Компартии Греции, ее противники без колебаний используют все средства. Однако партия, которая подвергается всевозможным преследованиям, всегда вновь окружается ореолом чести. Кроме того, ни для кого не является секретом, что

обвинение нас в шпионаже имеет целью нанести ущерб не только Компартии Греции, но и коммунистическим партиям всего мира. Для всех, кто читает газеты, сейчас ясно, что Коммунистические партии Советского Союза и стран народной демократии работают на дело мира. Естественно, нам пытаются внушить, что эта последовательная и неустанная борьба за мир со стороны Советского Союза не является искренней. Однако надо признать, что Советский Союз в ответ на Атлантический пакт лишь усилил свою борьбу за мир. То же самое сделали все коммунистические партии и Компартия Греции.

Обвиняемые являются не агентами врага, а борцами. Мы боремся во имя Греции и готовы пожертвовать своей жизнью, чтобы освободить Грецию от рабства, в которое она ввергнута со времени первой оккупации».

«ВЫ СУДИТЕ ГРЕЦИЮ»

Судебный «процесс 29-ти» приближался к концу. Королевский прокурор потребовал для многих обвиняемых смертной казни. Большинство обвиняемых демократов уже произнесли защитительные речи. С большим интересом присутствующие на суде ожидали выступления Белоянниса.

25 февраля. Белояннису предоставлено последнее слово. Он быстро подходит к микрофону.

В зале суда тут же наступила полная тишина, и среди этой настороженной тишины прозвучали первые слова Белоянниса:

— Господа военные судьи...

Белояннис говорил выразительно, сопровождая иногда свои слова жестом правой руки. Казалось, что он выступает перед народом, а не перед военными судьями, готовыми вынести ему смертный приговор. Его речь продолжалась 45 минут и только два раза прерывалась председателем трибунала.

«Этот процесс, как мне кажется, является новой версией предшествовавшего процесса, только более основательно подготовленной. Процесс был подготовлен в спешном порядке. Нам не дали времени ни посоветоваться с нашими адвокатами, которые могли лишь изредка посещать нас в охранке, ни подобрать необходимые документы для того, чтобы разоблачить свидетелей обвинения. Эта поспешность была бы труднообъяснимой, если бы не статья Папандреу в последнем номере газеты «Эллада», в которой говорится, что процесс затян в результате иностранного нажима. Второе замечание по процессу со стороны обвиняемых: процесс подготовлен и проводится в условиях невиданного террора; предварительное и

обычные следствия проводились в одиночных камерах охраны; обвиняемые, которые до сих пор находятся в камерах охраны, доставлялись в зал суда грубым и недопустимым способом. Что же касается состава присутствующей на суде публики, то он вызывал протесты даже в печати. Все это сильно мешает многим обвиняемым не только излагать свое мнение, но даже свободно думать.

Председатель. Оставь в покое других и говори только за себя. Другие обвиняемые не высказывали подобных жалоб.

Белояннис. Нет. Это, господин председатель, касается не только меня. Вот еще одно замечание по поводу процесса — разочарование, испытываемое теми, кто после большого шума ожидал сенсационных и необычайных разоблачений. В действительности гора родила мышь. Такое же разочарование испытывает и пресса, которая начинает заявлять, что «отдельные документы были искажены», что они «не были опубликованы» и т. д. По этому поводу делается целый ряд опровержений, которые, в свою очередь, опровергаются. Вначале нам говорилось, что некоторые документы останутся секретными, так как их содержание затрагивает безопасность государства. Затем было сделано опровержение, в котором утверждалось, что таких документов не существует. Однако вчерашние газеты настойчиво заявляли, что такие документы есть. Все это, однако, совсем не доказывает того, что какие-то документы остались засекреченными. В действительности речь идет только о стряпне, о сфабрикованной лжи.

Председатель. Тебя держат в условиях такого террора, что ты даже можешь в тот же день знакомиться с вышедшими газетами.

Белояннис. Я имею возможность читать газеты только в течение последних четырех дней. Я не могу

сказать, что меня лично держат в условиях террора, я этого не допущу.

Надо сделать, — продолжал Белояннис, — и еще одно замечание по процессу. Я хочу указать на явно предвзятую позицию свидетелей обвинения. Кто они, эти свидетели обвинения? — Белояннис указывает на большую группу полицейских агентов.

— В своем большинстве они являются кадровыми полицейскими — преследователями коммунистов. Это они преследуют нас в течение 25 лет. Создается такое впечатление, что эти свидетели обвинения явились сюда с одной только целью — не считаясь ни с чем, пренебрегая правдой и нагромождая одну ложь на другую, свести с нами счеты. Примером этому является сделанное в суде извращение резолюции III конференции КПГ и главным образом того пункта, вокруг которого умышленно было поднято столько шума.

Белояннис зачитывает этот пункт. Среди свидетелей обвинения движение. Они видят, что сфабрикованная ложь раскрыта.

— Я полагаю, — говорит Белояннис, — что имеется весьма существенная разница между тем, что говорилось здесь свидетелями обвинения, и подлинным текстом этой резолюции, вне зависимости от того, одобряется ее содержание или нет. Свидетели обвинения дошли до того, что пытались утверждать, что каждый коммунист — это шпион, что коммунисты не являются греками, что Коммунистическая партия Греции не является греческой партией. Какая подлая ложь! Патриотизм любой политической партии не может определяться словами, особенно в то время, когда политические страсти внутри страны накалены до предела, как это имеет место в Греции. Нельзя судить о патриотизме партии или отдельного гражданина на основе лжи и клеветы.

Я полагаю, что патриотизм партии, патриотизм любого гражданина проверяется лишь тогда, когда независимость, свобода и территориальная целостность нашей родины находятся в опасности, — голос Белоянниса поднимается и звучит сильно и уверенно. — Действия партии и любого гражданина являются в таком случае критерием, который позволяет судить о патриотизме партии или гражданина. И если, исходя из этого определения, судить о характере Коммунистической партии Греции, то нет никакого сомнения, что речь идет о патриотической, чисто греческой партии.

Белояннис говорит о той героической борьбе, которую вела Коммунистическая партия Греции в годы второй мировой войны против итальянских, германских и болгарских фашистов, о неисчислимых жертвах, которые несли в этой борьбе коммунисты, в то время как правые партии сотрудничали с оккупантами.

— Вот такова была наша деятельность. Таковы жертвы, которые мы понесли. Вот так мы любим Грецию — всем нашим сердцем и всей нашей кровью. Я думаю, что более, чем любые слова, эти факты заставят замолчать наших клеветников.

Вот еще факт, доказывающий, что мы не предатели: если бы мы были предателями, мы в конечном счете не пользовались бы никаким влиянием в народе и перестали бы существовать как партия и организация. Но в действительности происходит совершенно иное. Несмотря на все преследования, проводимые в отношении нас, коммунистов, и огромные жертвы, которые мы понесли наше политическое влияние не перестает возрастать.

Белояннис разоблачает версию о том, что греческие эмигранты, живущие в Советском Союзе и странах народной демократии, якобы готовятся напасть на Грецию и обучаются там военному искусству.

Белояннис говорит о внешнеполитической линии КПГ, направленной на укрепление мира и дружбы между народами. Каждая политическая партия имеет свою внешнеполитическую программу. Буржуазные партии не все придерживаются одинакового мнения относительно их внешней политики. Некоторые ориентируются на США, а другие балансируют между США и Англией.

Мы также имеем нашу собственную внешнеполитическую программу. Мы считаем, что новая война, в которую может быть вовлечена Греция, принесет нашей стране только разрушения. В силу этого в интересах Греции ей следует оставаться вне военных авантур. Мы также убеждены, что агрессивная политика США наносит ущерб Греции, ее независимости.

Я придерживаюсь того мнения, что нельзя допустить того, чтобы в новой войне Греция была бы на стороне противников Советского Союза. Мы не имеем никаких противоречий с Советским Союзом и именно ему обязаны своей свободой. Если бы 15 миллионов советских трудящихся не пожертвовали своей жизнью во время последней войны, Европа, возможно, и сейчас стонала бы под сапогом гитлеровцев. Такова, по нашему мнению, политика, которой должна следовать Греция. Кто может рассматривать эту политику как политику предательства? Именно в рамках этой политики служения интересам Греции мы следим за политической жизнью нашей страны и проявляем интерес ко всем событиям как в политическом, так и в социальном плане и, естественно, к возможной подготовке войны в нашей стране.

Для нас вообще важно знать, что происходит за кулисами политической и социальной жизни страны. Каждый политический деятель любой другой партии имеет свободный доступ в кафе Захаратоса или в кулуары парламента. Там, беседуя с другими, он может составить себе мнение по всем упомянутым вопросам.

Мы, поскольку живем в нелегальных условиях, вынуждены получать такую информацию другим способом. Как я уже объяснил на предыдущем процессе, между этой реальностью и обвинением нас в шпионаже дистанция огромного размера.

Я коснусь теперь другого вопроса, — говорит Белояннис. — Каковы же новые документы, обнаруженные после предыдущего процесса и на основе которых организован настоящий процесс? Одно из основных обвинений сводится к тому, что «мне принадлежали» радиопередатчики. Но для того чтобы руководить работой радиопередатчиков, надо было бы по меньшей мере хоть один раз побывать в местах, где они установлены. То, что здесь было сказано о моем так называемом посещении дома в Каллитее, ничего не доказывает. Только один Аргириадис заявлял, что я был там один раз и что он меня узнал позднее по расклеенным на стенах фотографиям. Аргириадис был довольно долгое время вместе со мной в одной камере в тюрьме Акронавлион. Я поэтому думаю, что он мог бы меня узнать без того, чтобы воспользоваться фотографией на улице. Заявление Аргириадида, несомненно, объясняется его трусостью.

Другое положение обвинения основывается на телеграммах, «направленных руководству партии». Эти телеграммы были якобы перехвачены и расшифрованы. Здесь тоже возникает вопрос. Кто может гарантировать идентичность этих телеграмм в условиях полного отсутствия доказательств? Пытаются уверить, что они являются подлинными. Но почему? Проанализируем характер подлинности этих телеграмм: среди них нет ни одной, которая раскрывала бы секретные факты. Речь шла о сообщениях, опубликованных в газетах. Укажу еще на неточности. В одной из телеграмм, например, говорится, что «21-й (Белояннис) был переведен в тюрьму в начале августа, и оттуда нам дали знать, что

его следовало бы внести в список кандидатов в депутаты». После моего ареста я никогда не находился в тюрьме. Я все время оставался в одиночной камере охраны. Но предположим, что все эти телеграммы являлись бы правильными, подлинными. На чем можно было бы обосновать обвинение в шпионаже?

Министр внутренних дел заявил, — говорит Белояннис, — что этот процесс является весьма показательным. На мой взгляд, этот процесс действительно является показательным. Вывод, который можно сделать из этого процесса, таков. Подобными процессами нельзя нанести ущерб коммунистической партии. Как показывает история, Коммунистическая партия Греции имеет глубокие и нерушимые корни в народе, корни, которые обагрены кровью, пролитой партией в борьбе за Грецию и интересы греческого народа. Мы верим в наиболее справедливое учение, созданное самыми прогрессивными людьми человечества. Наши усилия и наша борьба направлены на то, чтобы сделать это учение реальностью как для Греции, так и для всего мира. Мы любим Грецию, ее народ больше, чем наши обвинители. Мы это доказали, когда свобода Греции, ее независимость и ее территориальная целостность находились в опасности. Мы боремся за то, чтобы увидеть взошедшую над Грецией зарю лучших дней без голода и без войны. Ради этих целей мы боремся и, если это понадобится, пожертвуем своей жизнью.

Белояннис повернулся к военным судьям.

— Я твердо уверен, что, проводя теперь над нами суд, вы судите борьбу за мир, вы судите Грецию.

К сказанному мне больше добавить нечего.

Белояннис закончил речь. Он собрал бумаги и вернулся на свое место. Журналисты поспешно покинули зал трибунала, чтобы передать сообщение о

его речи. Во многих газетах она была опубликована под заголовком «Белояннис обвиняет».

ИМЕНЕМ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ

Две недели заседал афинский военный трибунал. С утра до глубокой ночи работала «по заданной программе» машина военной юстиции. Все повороты ее механизма были направлены к одной цели — обеспечить вынесение смертного приговора главному из двадцати девяти обвиняемых — Никосу Белояннису.

Видный деятель Коммунистической партии Греции, член ее Центрального Комитета, блестящий оратор, умелый полемист Никос Белояннис был в дни суда, как и во время первого судебного процесса, в центре внимания всей страны.

Многие сотни людей, несмотря на противодействие полиции, ежедневно собирались у здания военного трибунала и подолгу оставались здесь, чтобы узнать о ходе суда, чтобы увидеть Белоянниса, когда он вместе с другими обвиняемыми в сопровождении жандармов входил в здание трибунала или поздно вечером выходил из него.

На Белоянниса были обращены взгляды тех немногих, кому удалось попасть в зал заседаний трибунала. Во время перерыва люди старались подойти поближе к Никосу, чтобы лучше разглядеть его вдохновенное лицо, его улыбку, смелый взгляд его больших черных глаз. Присутствовавшие на суде напрягали свой слух, стараясь не пропустить ни одного сказанного им слова.

В ходе суда Белояннис изо дня в день старался что-то сделать, чтобы как-то изменить судьбу обвиняемых, спасти их от смерти.

Когда Никос следил за показаниями свидетелей, когда его быстрый взгляд останавливался на председателе или на прокуроре военного трибунала,

когда он был весь охвачен страстью борьбы, даже тогда, когда он, задумавшись, вдыхал аромат красной гвоздики, в нем всегда было видно одно — страстная вера в правоту своего дела, вера в идеалы, за которые он боролся и ради которых он был готов пожертвовать своей жизнью.

Все присутствовавшие в зале заседаний военного трибунала сразу же настораживались, когда Белояннис просил слова, бросал какое-то замечание. Своими острыми репликами и вопросами Белояннис заставлял замолчать свидетелей-provокаторов, опровергал доводы королевского прокурора, останавливал зарвавшегося председателя военного трибунала. Когда зачитывались фальшивые радиogramмы, Белояннис читал Шекспира. Председатель суда попробовал ему запретить.

— Меня не интересуют эти документы, — парировал Белояннис. — Я предпочитаю английскую поэзию.

Защитительная речь Никоса Белоянниса вызвала огромный интерес. Все газеты, включая самые правые, опубликовали ее на видном месте и под большими заголовками. Газеты раскупались немедленно.

Неважно, что речь была произнесена Белояннисом в зале военного трибунала, перед враждебной аудиторией. Слова его вырвались из тесного зала, разлились по всей Греции, по всему миру, рассказали правду о Коммунистической партии Греции.

В дни процесса журналист газеты «Аллаги» обратился к Белояннису с просьбой дать оценку происходящему судебному разбирательству, заверив, что газета опубликует все, что Белояннис напишет или скажет. Никос взял лист бумаги и разборчиво, четко написал:

«Местные и иностранные организаторы судебного процесса прилагают все новые и новые усилия для того, чтобы опорочить борьбу КПГ, не останавливаясь даже перед извращением всем известных текстов.

Перед лицом таких действий мы оказались совершенно беззащитными, потому что в одиночных камерах Асфалии нам совсем не дали ни времени, ни возможности для изучения досье и для того, чтобы собрать необходимые данные для нашей защиты.

Так мы вынуждены были бороться в недопустимо трудных условиях. Но, несмотря на это, мы доказали, что Компартия Греции является патриотической партией, партией национальной, какой не является ни одна другая партия, потому что на алтарь свободы и независимости Греции компартия принесла неисчислимые жертвы.

И если бы сегодня не существовало торговцев ненавистью, вклад Компартии Греции в дело умиротворения страны был бы признан не только друзьями, но и всеми честными и благоразумными нашими противниками.

Поэтому пули карательного отряда нас не убьют. Они убьют умиротворение и честь Греции...

Никос Белояннис».

Οι οργανισμοί αυτής της δίκης, κοίτοι και ξένοι,
κινέβαλλαν πρωτοφανή προσπάθειες για να καταστούν
κόρανισουν τον αγώνα του ΚΚΕ., χωρίς να διασώσουν
ούτε μπροστά στην διατρέβωση γνώσεων κειμένων
Απέναντι σ' αυτή τη προσπάθεια εμείς βρεθήκαμε
τελείως ανυπεράσπιστοι, γιατί μέσα στα απομονωτήρια
της Αλογαδίας δεν μας δόθηκε καθόλου ο χρόνος και η
δυνατότητα να μελετήσουμε και να συγκεντρώσουμε τα
απαραίτητα για την υπεράσπιση μας στοιχεία.

Έτσι υποχρεώθηκαν να παλαίψουμε κάτω από απα-
ράδεχτα ανίσχυς όρους. Αλλά παρ' όλα αυτά, αποδεί-
χθηκε ότι το ΚΚΕ. είναι κόμμα πατριωτικό με τίτλους
εθνικούς, που κανένα άλλο κόμμα δεν έχει να παρον-
σίσουν. Γιατί στο θυμό της Ελευθερίας και της ανεξαρ-
τησίας της Ελλάδας έχει προσφέρει govern έκατόμβες.
Και αν δεν υπήρχαν οι έμποροι και οι καπηλίες
του μίσους, ή συμβολή του ΚΚΕ. στην ειρήνευση του
κόπου θα είχε εκτιμηθεί ~~παρακάτω~~ όχι μόνον από
τους φίλους, αλλά και από τους εμίς και καρόπ-
ους ανταπάλους μας.

Γι' αυτό οι σφαίρες του ελεεινιστικού αποσπασματικού δώ
δολοφονούν εμάς. Δολοφονούν την ειρήνευση και την
τιμή της Ελλάδας.

29/2/52 Νίκος Μπελοχριστιάνης

Интервью газете «Аллаги», написанное
собственноручно Никосом Белояннисом в военном
трибунале накануне вынесения ему второго смертного
приговора.

Первого марта 1952 года «процесс 29-ти» по
обвинению в шпионаже был закончен. В тринадцать
часов афинский военный трибунал вынес приговор.

«Именем Его Величества короля эллинов Павла I
афинский военный трибунал приговаривает к смертной
казни через расстрел Белоянниса Николаоса,
Калуменоса Николаоса, Бациса Димитриоса,
Аргириадиса Илиаса, Лазаридиса Филаретоса (Такиса),

Иоанниду Элли, Тулиатоса Харламбоса, Бисбианоса Мильтиадиса...

Приговор окончательный и не подлежит обжалованию».

Иронической улыбкой, с цветком красной гвоздики в руках встретил Белояннис этот смертный приговор. От военных судей, получивших приказ свыше, нельзя было ожидать другого приговора.

Итак, именем его величества короля был послан на расстрел верный сын греческого народа, орел Тайгета, Граммоса и Вичи Никос Белояннис. Вместе с ним под дула американских винтовок были поставлены умиротворение и честь Греции.

БИТВА ЗА ЖИЗНЬ

После вынесения смертного приговора Белояннису, Элли Иоанниду и шести другим демократам все они прямо из военного трибунала были отправлены в тюрьму Каллитея. Эта старая тюрьма находится недалеко от центра Афин. Обнесена она высокой каменной стеной с колючей проволокой. По углам возвышаются круглые башни, на которых день и ночь несет дозор стража, вооруженная американскими винтовками. Окованные железом ворота тюрьмы со скрипом открываются, когда в них въезжают полицейские машины. За каменной стеной видно здание тюрьмы. На небольших окнах железные решетки.

Эта тюрьма с ее вышками и часовыми, с черными машинами, стоящими у ворот, мрачным пятном ложится на весь район.

Одиночная камера № 2, куда поместили Никоса, была совсем маленькой. В ней едва помещались кровать и стол. Вверху небольшое окно с железной решеткой. В двери камеры небольшой глазок. Через него тюремный надзиратель следит за заключенным.

Во время коротких прогулок Никоса можно было увидеть, как из окон тюремных камер смотрят на него и шлют приветствия политические заключенные — товарищи по борьбе.

По существующим правилам исполнение смертного приговора должно было состояться в течение последующих пяти дней.

Правда, имелась еще одна возможность для того, чтобы помешать осуществиться замыслам греческой и американской реакции расправиться с Белояннисом. Приговоренные к смерти могли ходатайствовать о

помиловании. И они решили использовать эту единственную возможность.

Совет помилования состоял из восьми человек. Во главе его был генеральный секретарь министерства юстиции Аграфотис — чиновник, слепой исполнитель воли правительства. Семь других членов совета были чиновниками других министерств ниже рангом. По своему характеру Совет помилования являлся всего лишь техническим органом правительства. Ждать от него смелых и независимых решений не приходилось.

Шли дни, а никакого решения совет не принимал. Прошли уже установленные для приведения в исполнение приговора пять дней, а положение оставалось по-прежнему неясным.

Не так-то легко было отклонить ходатайство приговоренных «смерти: демократическая общественность сразу же поднялась на защиту Никоса Белоянниса и его товарищей.

Первыми в защиту осужденных выступили демократические организации и рабочие Афин и Пирея.

В меморандуме, направленном партией ЭДА королю Павлу, выдвигалось требование немедленно принять меры для прекращения казней демократов и установления в стране спокойствия и мира. «Партия ЭДА считает, — говорилось в меморандуме, — что предоставление амнистии восьми приговоренным к смерти отвечает интересам страны». Продолжая настаивать на этом требовании, лидер партии ЭДА Пасалидис во время обсуждения политического вопроса заявил с трибуны парламента:

— Правительство Пластираса не выполнило своих предвыборных обязательств относительно предоставления амнистии. Правительство Пластираса амнистировало нацистского генерала Андрэ, палача Крита, но оно отказалось предоставить амнистию грекам, которые были приговорены к смертной казни во

время последнего судебного процесса. Настало время осуществить политику умиротворения.

Коммунистическая партия Греции в своих обращениях к греческому народу раскрывала классовую сущность процесса, разоблачала намерения его организаторов и горячо выступала в защиту Никоса Белоянниса и других осужденных демократов.

Народные комитеты Кесарьяни, Перистерии, Неа Ионии и других рабочих кварталов Афин и Пирея направили свои делегации к премьеру Пластирасу, требуя не допустить исполнения смертного приговора. В эти комитеты входили люди самых различных политических направлений, объединенных общим стремлением к миру в Греции. Сотни матерей, сестер и близких родственников политических заключенных и сосланных с траурными повязками на руках шли по улицам Афин, останавливались перед королевским дворцом, министерством юстиции, перед зданиями посольств США и Англии, требуя освобождения Белоянниса и его товарищей.

Мать Белоянниса Василики вместе с делегацией Всегреческого союза семей заключенных и ссыльных посетила королеву Фредерику и просила ее оказать влияние, чтобы предотвратить готовящееся злодеяние, предотвратить убийство ее сына и его товарищей. Она надеялась, что королева, сама имеющая троих детей, внимательно отнесется к ее просьбе. Но Фредерика сухо выслушала мать Белоянниса и не нашла для нее добрых слов, лишь заявила о своем осуждении коммунизма.

Председатель комитета мира греческих политических эмигрантов профессор Петрос Коккалис в обращении к председателю Генеральной Ассамблеи ООН и к правительствам всех стран писал: «В момент, когда все честные люди на земле борются за то, чтобы достичь взаимопонимания как необходимого условия для защиты мира, в Афинах только что вынесен приговор, который

является покушением на мир. Военный трибунал Афин приговорил к смерти патриотов Никоса Белоянниса, Элли Иоанниду, Такиса Лазаридиса и пять других демократов по обвинению в шпионаже. Этим приговором в действительности хотят уничтожить мужественного сына Греции, который со времени гитлеровской оккупации Греции последовательной мужественно защищает мир, свободу и национальную независимость нашей родины.

С минуты на минуту эти патриоты могут быть казнены. Только решительное вмешательство друзей мира и тех, кто уважает человеческое мужество, может спасти от смерти Белоянниса и его товарищей. Мы обращаемся к вам: поднимите ваш голос протеста, сделайте все возможное, чтобы предотвратить казнь».

Смертный приговор Никосу Белояннису вызвал возмущение не только в Греции, но и во всем мире. Все прогрессивные люди, каких бы политических убеждений они ни придерживались, понимали, что борьба за Белоянниса — это битва за мир.

Международное движение солидарности за спасение жизни Белоянниса выражалось в самых разнообразных формах: в собраниях, демонстрациях и митингах, в радиопередачах, в газетных статьях, в телеграммах протеста, подписанных видными общественными деятелями и людьми науки и культуры и адресованных греческому правительству, королю Павлу, Организации Объединенных Наций.

Имя Белоянниса становится символом — символом мира и независимости народов. За его жизнь борются сотни миллионов людей доброй воли. Горячее участие в этой борьбе принимает советский народ. Советское правительство дает указание своей делегации в Организации Объединенных Наций сделать все возможное для спасения жизни Белоянниса и его товарищей. Во время работы VI сессии Генеральной

Ассамблеи ООН вопрос о спасении жизни Белоянниса и других демократов стал предметом обсуждения в политическом комитете. Советская делегация внесла тогда специальный проект резолюции, который предусматривал переговоры председателя Генеральной Ассамблеи с представителями греческого правительства, чтобы добиться отмены смертного приговора греческим демократам. Однако Генеральная Ассамблея ООН под нажимом американцев не поддержала это гуманное предложение советской делегации.

Находясь в одиночной камере тюрьмы, Никос понимает, что в эти трудные дни он и его товарищи не оставлены одни, что не только греческий народ, но и вся мировая общественность выступает в их защиту. Вместе с Элли Иоанниду и Такисом Лазаридисом они пишут проникновенное письмо, которое было опубликовано во французской газете «Юманите».

«ВСЕМ, КТО БОРЕТСЯ ЗА ТО, ЧТОБЫ СПАСТИ НАС ОТ ПАЛАЧА.

НАШИ ДОРОГИЕ, БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ

Мы никогда не сможем забыть все то, что вы делаете для нас. Ваши столь благородные и трогательные усилия, направленные на то, чтобы спасти нас от смерти, составят одну из самых прекрасных страниц истории людей, борющихся за лучшее будущее, свободное от страха войны и голода.

Опасность, которая нам угрожает, велика, как никогда. Только ваши неустанные усилия смогут помешать тому, чтобы в Греции вновь начались казни. Из камер осужденных на смерть, из одиночек, в которых мы находимся, ожидая решения Совета помилования, мы выражаем вам нашу благодарность и признательность.

Никос Белояннис

Элли Иоанниду

*Такис Лазаридис. 11 марта 1952 года. Тюрьма
Каллитея»*

ПИСЬМА ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКОВ

Никос Белояннис и Элли Иоанниду и в тюрьме не оставляют политической борьбы. Они хотят сказать людям правду о страдающем греческом народе, правду о стране, ввергнутой в бездну экономического обнищания и классовой ненависти, правду о предательской политике зависимых от английского и американского империализма греческих правительств. Из тюрьмы они пишут полные гнева и горькой правды письма.

«В античной мифологии, — с иронией начинает свое письмо Никос, — рассказывается о том, что боги спускались с Олимпа, чтобы быть судимыми в судах древних Афин. В мифологии упоминалось об этом с целью подчеркнуть, на какой высоте находились суды в древности. Но если бы олимпийским богам случилось жить теперь и быть политическими противниками греческих правительств после освобождения, они наверняка постарались бы убраться подальше от Греции, лишь бы спастись от предвзятых судов, которые «действуют как машины, вынося стандартные приговоры демократически настроенным гражданам.

За пять лет, с 1945 по 1950 год, судами было вынесено почти 50000 приговоров и около 5000 демократов были приговорены к смерти. Около двух тысяч из них были казнены, в том числе много женщин — старух и даже семнадцатилетних девушек! Такого рода суды, может быть, и могли бы проявить понимание в отношении обычного мошенника, убийцы, вора и т. п. В отношении же идеологических противников пощады нет. Вот простой пример: два выдающихся педагога нашей страны, Сотирис Сукарас и Никос Кискирас, были осуждены на смерть. Им, однако, удалось добиться

пересмотра их дел в обычном уголовном суде, и они были оправданы. И таких случаев очень много!

Возникает вопрос: каковы причины этой неслыханной жестокости? Греция бедная страна, потому что классы, управляющие ею, до сих пор паразитически опирались преимущественно на костыли иностранных займов, а не на развитие ее богатых природных ресурсов. Это вело к тому, что жизненный уровень трудового народа оставался очень низким. И пока экономическая отсталость страны шла в ногу с политической отсталостью народных масс, плутократическая олигархия могла относительно спокойно управлять народом и эксплуатировать его, не опасаясь серьезных социальных потрясений. Примерно так, как это было в Англии перед началом чартистского движения.

Но в период гитлеровского рабства вооруженное сопротивление народа захватчикам сделало более зрелой и его борьбу за коренное улучшение условий жизни и за его фактическое участие в управлении страной. С этого времени начинаются серьезные социальные столкновения, достигшие своей высшей точки сразу же после освобождения.

Правые состряпали пресловутый закон № 509, согласно положениям которого всякий, кто принадлежит к левым организациям, подозревается в стремлении осуществить «насильственное свержение нынешнего режима». В силу этого такое лицо арестовывают, передают военному суду и обычно приговаривают к смертной казни или к пожизненному заключению.

В последнее время под нажимом демократических сил внутри страны и за границей дела лиц, обвиняемых в нарушении этого закона, передаются в гражданские суды, которые при всей реакционности судей не выносят таких суровых приговоров. Это обстоятельство заставляет невменяемых правых, которые еще держат в

своих руках все ключи от государственной машины, менять тактику.

Так, например, после того как нас судили 6 месяцев назад за нарушение закона 509 и приговорили к смерти, теперь надумали снова предать нас суду по чудовищному закону 375, принятому еще во времена диктатуры Метаксаса. Согласно этому закону шпионаж карается смертной казнью или пожизненным заключением, хотя закон и не дает конкретных определений действиям, квалифицируемым как шпионаж».

Далее Белояннис показывает несостоятельность состряпанных охранкой обвинений. Мы исключаем эту часть его письма, так как то, о чем в ней говорится, уже известно читателю.

«Выдвинутое против нас обвинение в шпионаже, — пишет Белояннис, — является подлым и клеветническим. Оно не обосновано ни одним действительным фактом, да и сама моя жизнь категорически его опровергает».

Белояннис рассказывает о тех преследованиях, которым он подвергался долгие годы за коммунистические убеждения, за то, что он боролся за свободу, демократию и мир.

«С конца 1946 года меня снова преследуют, уничтожена вся моя семья. Теперь та же участь ждет и меня», — с болью пишет Белояннис, но не о себе заботится он в последние дни своей жизни. Его волнует судьба Греции, судьба своего народа.

«Случай со мной не единственный. Таких случаев много. Эта односторонняя гражданская война, проводимая против сторонников левых организаций, принесет Греции много новых бед. В то же время, если бы правые проявили добрую волю, проблема спасения нашей несчастной страны и нашего народа была бы довольно простой, ибо она укладывается в слова:

Демократия, Всеобщая амнистия, Умиротворение и Меры по повышению уровня жизни народа. Но какое правительство претворит в жизнь такую программу? «That is the question». «Вот в чем вопрос», как говорил великий английский писатель.

Никос Белояннис
12—3—1952 года».

И далее Никос делает небольшую приписку. Его мысли по-прежнему обращены к судьбам родины и ко всем людям доброй воли на земле, выступившим на его защиту.

«Эти строчки пишутся наспех в камере смертников, где я нахожусь в изоляции в ожидании смерти. Может быть, когда вы будете их читать, меня уже не будет в живых. Я желал бы, чтобы наша кровь содействовала умиротворению нашей многострадальной родины. Однако, к сожалению, произойдет обратное. И это потому, что правые никогда не стремились к умиротворению, к дружественному объединению нашего народа. Во всяком случае, что бы ни случилось, я до последней минуты с беспредельной благодарностью буду вспоминать благородные усилия людей, которые старались и еще стараются спасти нас от палачей.

Никос».

«Вот уже двенадцать дней, — писала в своем письме Элли Иоанниду, — как мы находимся в камере смертников. Это рекордный срок. Вначале мы ждали 5 дней, которые предшествуют приведению в исполнение смертного приговора. Сейчас мы ждем решения Совета помилования, которое нам заранее известно. И для того, чтобы мы были более... спокойны, мы имеем немало «авторитетных» заявлений, из которых видно, что этот приговор будет приведен в исполнение. Поэтому, когда вы будете читать эти строки, возможно, нас уже не будет в живых.

Премьер-министр Греции, когда он стал премьером благодаря голосам людей, желающих мира и амнистии, заявил, что «меры умиротворения и помилования будут действительны для преступлений, совершенных до дня принятия правительством присяги». Правительство приняло присягу в ноябре 1951 года, а некоторые из нас были арестованы в декабре 1950 года. Однако по каким-то таинственным причинам это заявление премьер-министра оказалось в отношении нас недействительным».

В ожидании смерти мысли Элли, как и мысли Никоса, устремлены в будущее. Ее волнуют судьбы родного народа, судьбы мира.

«В нашем одиночном заключении мы никогда, ни на минуту не чувствовали себя одинокими, — пишет Элли. — Вы, все те, кто борется за спасение нашей жизни, за то, чтобы Греция навсегда освободилась от кошмара расстрелов, вы, поддерживающие борьбу греческого народа за мир и демократию, вы — вместе с нами. Всем вам, в какой бы части света вы ни находились, мы посылаем самый горячий привет вместе с уверенностью, что вы всегда будете на стороне греческого народа в это трудное время, которое он переживает. Мы уверены, что мир и демократия восторжествуют во всем мире на благо всех людей».

ЗАГОВОР

На правительство Пластираса американцы оказывали большое давление. Из-за океана требовали привести в исполнение смертный приговор Белояннису. Через посла США Пэрифуа Пластирасу недвусмысленно давалось понять, что в противном случае он лишится власти, так как американская поддержка будет оказана другому претенденту на пост премьера — маршалу Папагосу. Со своей стороны, Папагос и возглавляемая им профашистская клика «Священный союз офицеров» (ИДЕА) толкали Пластираса на убийство Белоянниса, стремясь скомпрометировать его и извлечь выгоду в политической игре.

Но в составе правительства, а также среди руководящих членов партии ЭПЭК, которую возглавлял Пластирас, были люди, выступавшие против приведения в исполнение смертного приговора Белояннису.

Под давлением общественного мнения депутаты от партии ЭПЭК потребовали, чтобы смертный приговор Белояннису и другим осужденным не был приведен в исполнение, и в ответ на провокации маршала Папагоса покинули зал заседаний парламента. На протяжении четырех дней один за другим уходят в отставку три министра, стремясь снять с себя ответственность за готовящееся убийство. Правительственная газета «Фильэлефтерос», возражавшая против исполнения смертного приговора, писала: «Подрыв мер умиротворения смертными казнями убедил бы народ, что от государства ему ждать теперь нечего, и, вместо того чтобы прекратить нелегальную борьбу, народ усилил бы ее».

Перед правительством, присоединившим незадолго перед этим Грецию к агрессивному

Североатлантическому союзу и уже совершившим тем самым акт национального предательства, встала дилемма: пойти против общественного мнения страны и всего мира или лишиться поддержки американцев, а вместе с ней, возможно, и власти.

Для усиления давления на Пластираса и короля Павла США решили прибегнуть к крайним мерам. Президент Эйзенхауэр лично приехал в Афины и предъявил новые требования к Греции. Вступление Греции в Североатлантический союз, заявил Эйзенхауэр, требует от нее более значительных военных усилий, особенно по обеспечению атлантической коалиции новыми дивизиями. На такие усилия способно лишь такое правительство, которое докажет свою твердость. В этом был прямой намек Пластирасу. Что касается короля Павла, который не раз жаловался англичанам на грубые действия американского посла, то Эйзенхауэр в разговоре с ним дал понять, что в случае неповиновения США найдут способ лишить его престола. Перепуганный король обещал доказать свою верность. Покидая Афины, Эйзенхауэр уже знал, что он может положиться на короля. Из Вашингтона он направил королю Павлу открытое послание: «благодарил его за гостеприимство» и хвалил за «постоянную твердость в борьбе с коммунизмом».

Совет помилования после неоднократных предварительных консультаций с правительством выносит решение по ходатайству Никоса Белоянниса и других осужденных демократов. Решение совета стало известно в Афинах поздно вечером 28 марта 1952 года. В опубликованном в печати сообщении указывалось что Совет помилования отклонил ходатайства Белоянниса, Калуменоса, Аргириадиса и Бациса, оставив для них в силе смертный приговор. Вместе с тем Совет помилования высказался в поддержку ходатайств Элли

Иоанниду, Лазаридиса, Тулиатоса и Бисбианоса об отмене им смертного приговора.

Дальнейшие события разворачивались с молниеносной быстротой.

Юридическая машина, работавшая в Греции обычно с большим скрипом, с большим бюрократизмом, для которой и на рассмотрение простых дел требовались месяцы, внезапно завертелась с невиданной быстротой.

Уже утром 29 марта решение совета было доложено министру юстиции. Министр, не теряя ни минуты, консультируется с премьер-министром, заручается его согласием на расправу над Белояннисом и в тот же день получает срочную аудиенцию у короля.

Король немедленно утверждает решение Совета помилования. Желая снять с себя всякую ответственность за дальнейшие события, король Павел спешно оставляет свою загородную резиденцию Татой и выезжает в провинцию.

Не успел еще министр юстиции вернуться в свое министерство, а на его столе уже лежали утвержденные королем документы, на основании которых теперь можно было привести в исполнение смертный приговор Белояннису.

Палачи спешили не случайно.

Решение Совета помилования вызвало большое недовольство среди рабочих Афин и Пирея и в широких кругах греческой общественности.

Правительство полагало, что утверждение королем этого решения вызовет демонстрацию протеста, а возможно, беспорядки и столкновения с полицией. Правительству было также известно, что на 31 марта назначено заседание Святейшего Синода Греции, который намеревался выступить с возражением против казни Белоянниса и других осужденных. Правительство торопилось в один день покончить с юридическими формальностями.

В тот же день, 29 марта, полученные из дворца документы были направлены военному министру.

Военный министр немедленно переотправил их отделу военной юстиции своего министерства, через который проходили все смертные приговоры военных судов.

Отдел направляет бумаги на исполнение органам военной полиции.

В субботу 29 марта в 21 час 20 минут начальник военной полиции получил все документы, установил контакт с королевским прокурором военного суда и назначил начальника карательного отряда.

Но и после того как с формальностями было покончено, убить Белоянниса оказалось не просто. Слишком внимательно следил за его судьбой народ Греции.

Начальник военной полиции вместе с королевским прокурором согласились на том, чтобы произвести расстрел на полигоне местечка Гуди, вблизи Афин, где уже не раз казнили политических заключенных.

Все приготовления производились в глубокой тайне и с грубым нарушением существующих юридических положений, так как по инструкции королевский прокурор обязан был не менее чем за двадцать четыре часа известить полицейские и гражданские власти о дне, часе и месте исполнения приговора. Королевский прокурор же вообще не сообщил ни полицейским, ни гражданским властям о предполагаемом расстреле Белоянниса, а со времени получения им распоряжения до момента приведения в исполнение смертного приговора прошло всего несколько часов.

Убийство Белоянниса было назначено на воскресенье и должно было осуществиться до восхода солнца, при свете автомобильных фар.

УБИЙСТВО

В Афинах жизнь шла своим чередом. В центре города, как всегда, оглушительно звенели трамваи. По тротуарам двигалась людская толпа. Открывались и закрывались двери многочисленных министерств, учреждений, адвокатских и нотариальных контор. С утра до вечера торговали магазины. Громко кричали продавцы газет, сообщая о политических сенсациях.

В парламенте происходили бурные заседания. Демократические депутаты обвиняли правительство в невыполнении его предвыборных обещаний. Они требовали принятия действенных мер по умиротворению и отмены смертного приговора Белояннису.

Гудки фабрик и заводов Афин и Пирея по-прежнему рано будили рабочих. Но рабочие шли на работу сумрачные, немногословные. Рабочие окраины жили настороженно. И эта настороженность беспокоила правительство, которое до самых последних минут скрывало заговор против Белоянниса, подготовку к его убийству.

Известие о решении Совета помилования отклонить ходатайство Белоянниса вызвало большое негодование. Всем хотелось знать, как же отнесутся к этому король Павел и правительство. Из печати было только известно, что на другой день правительство через своего министра юстиции доложило королю Павлу о решении Совета помилования. Других сообщений не было. Правительство хранило молчание.

О том, что Совет помилования отклонил просьбу Белоянниса, стало известно; в тюрьме Каллитея рано утром 29 марта. Белояннис принял это сообщение так же спокойно, как он спокойно принял в свое время

сообщение о смертных приговорах, вынесенных ему на двух судебных процессах.

Какого же другого решения можно было ждать от чиновников, заседающих в Совете помилования, которые находятся в услужении у лиц, настойчиво добивающихся его физического уничтожения? Хотя решение Совета помилования было не окончательным и оно могло быть королем изменено, но оно было новым, почти неизбежным шагом к смерти. Все слышней становилось ее холодное дыхание в камере Никоса.

Белояннис никогда не возлагал особых надежд на Совет помилования, как теперь не ждал милости от короля. Прошло много лет с тех пор, как он стал на трудный путь революционера, и много раз Никос смотрел в лицо смерти. Сейчас он думал о своих близких — о матери, о жене, о сыне. Ведь у него теперь есть сын, тоже Никос, родившийся в тюрьме несколько месяцев назад. Но его брак с Элли не зарегистрирован. Нет никаких документов о том, что Белояннис является отцом недавно родившегося у Элли ребенка.

Белояннис взял у надзирателя бумагу и написал письмо, по которому перед законом Никос-младший становился его сыном. Он передал это письмо начальнику тюрьмы и просил направить его властям.

В Афинах ходили упорные слухи, что король одобрил решение Совета помилования. Поэтому редакции некоторых столичных газет поручили своим корреспондентам во что бы то ни стало добиться свидания с министром юстиции и получить от него точные сведения. Ведь кто-кто, а министр, беседовавший с королем, должен знать, насколько обоснованны опасения за жизнь Белоянниса.

Было даже решено задержать выход газет до тех пор, пока не будет получена точная информация.

Но корреспонденты тщетно пытались вечером 29 марта добиться свидания с министром юстиции. Министр был неуловим. Корреспондентам сообщали место, где находится министр, но, когда они туда приезжали, там его уж не было. Только далеко за полночь, наступило уже воскресенье 30 марта, корреспондентам удалось связаться с министром юстиции по телефону.

Министр заверил журналистов, что «везде царит полное спокойствие и что о расстреле Белоянниса не может быть и речи». Чтобы сделать свое заявление более убедительным и, видимо, желая избежать повторного разговора с журналистами, министр сказал, что его рабочий день окончен, что он устал, идет спать и желает им спокойной ночи.

Заверения министра не обманули журналистов. Они давно уже привыкли настораживаться, когда им говорили о «полном спокойствии».

30 марта в два часа утра уставшие журналисты прибыли к тюрьме Каллитея. У входа в тюрьму стояли несколько полицейских и о чем-то переговаривались между собой.

Полицейские были удивлены появлением корреспондентов, но на их вопросы отвечали, что наступило воскресенье и никаких приказов относительно Белоянниса не было и не будет.

Журналисты поехали в полицию района Каллитея, но и полицейский офицер сказал, что ему ничего не известно, что время уже позднее, и посоветовал им ехать домой.

Корреспонденты начинали уже верить тому, что никаких сенсационных событий в городе не ожидается. К тому же наступило воскресенье, а по существовавшей традиции смертные приговоры в воскресенье в исполнение не приводились. Все же журналисты решили

вернуться к тюрьме Каллитея и подождать там до рассвета.

Тем временем проводившаяся в полной тайне подготовка к убийству Белоянниса вступала в свою завершающую фазу. В 2 часа 45 минут перед тюрьмой Каллитея появилась колонна военных автомашин. Первой следовала выкрашенная в черный цвет машина-клетка с номером Е.В.Х.-99. Обитая железной решеткой дверь с небольшим окошком находилась в задней части кузова. К ней вели три железные ступени. За этой машиной шел грузовик с солдатами карательного отряда, а за ним следовали три «джипа» с офицерами военной полиции.

Колонна автомашин остановилась против тюрьмы. Из «джипа» вышел офицер, показал охране приказ, и ворота со скрипом открылись. Черная машина развернулась и въехала во двор. Остальные машины остались у ворот. Из них сейчас же вышли и направились в тюрьму королевский прокурор и офицер, командовавший карательным отрядом, в сопровождении солдат.

Но никого из тюремной администрации в этот поздний час на месте не оказалось.

Королевского прокурора и сопровождавших его карателей встретил старший надзиратель тюрьмы. Прокурор потребовал выдать карательному отряду приговоренных к смерти Белоянниса, Калуменоса, Аргириадиса и Бациса для приведения в исполнение смертного приговора. Но старший надзиратель ответил, что ничего не может сделать. Начальника тюрьмы сейчас нет, и официального предписания министра юстиции о выдаче Белоянниса военным властям не получено. Королевский прокурор настаивал на своем требовании. В это время явился начальник тюрьмы с только что полученным официальным предписанием министра о выдаче военным властям Белоянниса и трех

других осужденных. Он тут же приказал выполнить распоряжения министра юстиции.

Старший надзиратель вместе с группой солдат карательного отряда отправился в ту часть тюрьмы, где находились камеры восьми осужденных на смерть. Пройдя по коридору, они остановились возле камеры № 2, в которой находился Белояннис.

Стукнули о каменный пол приклады винтовок.

Белояннис спал и не слышал ни шума открываемой двери, ни того, как в камеру вошли люди. Старший надзиратель подошел к койке Белоянниса.

— Никос, слышишь, Никос, вставай, — сказал он, трогая Белоянниса за плечо.

Никос проснулся, сел на койку и, взглянув на стоявших в коридоре у приоткрытой двери солдат, иронически спросил:

— Пойдем подышать воздухом?

— Да, Никос, — ответил надзиратель, — тебя поведут на расстрел.

Белояннис сохранял полное спокойствие. Он быстро надел ботинки и встал у своей койки. Как позднее говорил надзиратель, впервые за все время пребывания в тюрьме Белояннис в ту ночь спал одетым. Никос сказал, что он готов, но хочет попрощаться с женой. Надзиратель кивнул головой, солдаты посторонились, и Белояннис вышел в коридор.

В это время Элли, находившаяся в соседней камере, проснулась. Она услышала шум в камере Белоянниса, Поняв, что к нему пришли палачи и уводят его на казнь, Элли зарыдала, бросилась к двери и стала изо всех сил стучать и бить в нее руками и ногами. Увидев через дверной глазок одетого Никоса в сопровождении солдат военной полиции, Элли закричала:

— Никос, мой Никос, я тоже пойду с тобой!

Даже в этот момент спокойствие не оставило Белоянниса. Он вплотную подошел к двери камеры Элли

и ласково сказал ей:

— Нет, Элли, на расстрел вместе со мной тебе идти незачем. Ты должна жить, жить, чтобы отомстить за меня, за всех нас.

Через дверное окошечко Никос передал Элли все, что у него осталось: бумажник, часы, авторучку и фотографию. В конце коридора появился офицер, солдаты загремели прикладами.

— Прощай, Элли, — сказал Белояннис, — теперь я тебя больше никогда не увижу. — И он попытался через закрытый решеткой глазок поцеловать жену.

Белояннису надели наручники и вместе с другими осужденными повели к выходу.

В камере продолжала рыдать Элли. Ее крик «Нет, нет, Никос, я хочу умереть вместе с тобой!» продолжал раздаваться, хотя уже затих звук шагов в коридоре.

Шум в камере Белоянниса, стук винтовочных прикладов, отчаянный крик Элли разбудили тюрьму. Политические заключенные поняли, что Белоянниса и его товарищей увозят на расстрел.

Из всех выходящих во двор окон тюремных камер заключенные приветствовали Никоса и слали проклятия его убийцам. Тюрьма гудела; бушевала, протестовала. А Белояннис и трое других осужденных на смерть шли по коридору к выходу во двор тюрьмы. По существующему обычаю они должны были исповедаться у военного священника, который ожидал их в адвокатской комнате.

Адвокатская комната, находящаяся во внутреннем дворе тюрьмы, была довольно большой. Посреди стоял массивный стол, вокруг него было расставленно много стульев. Окна в этой комнате, как и в камерах, были закрыты массивными железными решетками. В этой комнате заключенные встречались и советовались по разным делам со своими адвокатами. Сейчас в ней был только военный священник, ожидавший для исповеди уводимых на расстрел.

Первым вошел Белояннис. На руках его были кандалы. Твердым, спокойным шагом он пошел к священнику, поднявшемуся ему навстречу.

— Господь долготерпелив и многомилостив. Он прощает все прегрешения своих... — начал священник.

Белояннис не дал ему договорить и мягко сказал:

— Отче, прошу вас, не омрачайте эти минуты. Что вы от меня хотите? Что вы можете теперь мне сказать и что я вам отвечу?

Священник пытался убедить Белоянниса исповедаться и причаститься, говорил о божеском всепрощении, но Белояннис твердо ответил:

— Еще раз прошу вас, отче, не омрачайте эти последние для меня минуты. Ведь вы же знаете — я иду на расстрел.

Трое других осужденных один за другим, как и Белояннис, с кандалами на руках подошли к священнику, но от исповеди и причастия отказались.

По бокам каждого осужденного встало по двое солдат, вместе с заключенными они вышли во двор и направились к черной машине.

А тюрьма продолжала гудеть, заключенные, прижавшись к окнам, смотрели во двор, криками приветствовали Белоянниса и прощались с ним.

До, черной машины-клетки оставалось несколько шагов. Белояннис повернулся к окнам тюремных камер и, подняв вверх закованные в кандалы руки, громко крикнул:

— Прощайте, друзья, будьте счастливы!

Дверь автомобиля-клетки захлопнулась, и машина выехала на улицу.

Военные власти явно торопились расправиться с Белояннисом. С того времени, как карательный отряд подъехал к тюрьме, и до отъезда всей автоколонны прошло не более тридцати — тридцати пяти минут. В голове ее шел грузовик с солдатами, за ним следовал

автомобиль-клетка с четырьмя смертниками. Колонну замыкали три «джипа» с королевским прокурором и офицерами военной полиции.

Машины выехали на бульвар Сингру и направились по нему к центру города. Слева виднелся древний Акрополь. Впереди все ясней вырисовывалась в слабом свете уличных фонарей арка Адриана, а справа от дороги были видны высокие колонны храма Зевса. Но вот и они остались позади. Промелькнули мраморные ступени афинского стадиона. Дальше пошли улицы Ригилис, Кифисиас, Месогион. Город спал, улицы были безлюдны, автомашины не сбавляли хода.

Когда журналисты заметили, что из ворот тюрьмы выехала черная машина, у них не оставалось никаких сомнений в том, что в ней находится Белояннис. На своей автомашине журналисты устремились вслед за быстро помчавшейся от тюрьмы автоколонной. Но при выезде из района Калнитея, у поворота на бульвар Сингру, дорогу журналистам преградила машина военной полиции. Офицер настаивал на том, чтобы корреспонденты прекратили следовать за ушедшими вперед машинами. Но журналисты все же попытались догнать автоколонну и приблизились к ней только тогда, когда она оказалась в районе Гуди. Там, недалеко от тюремной больницы «Сотириас», автомобиль журналистов вновь был остановлен, и солдаты военной полиции с винтовками на изготовку решительно запретили им двигаться дальше.

Было четыре часа утра, когда машины с карателями прибыли к месту расстрела. Машины остановились, моторы были выключены, и все это пустынное и дикое место с небольшим оврагом в форме воронки утонуло в непроглядной темноте. Среди мертвой тишины только где-то высоко-высоко раздавались негромкие крики потревоженных птиц. А в глубине огромной темной массой возвышалась гора Имиттос. Темная и

молчаливая, стояла она, ожидая кровавой развязки еще одной трагедии, каких она видела немало: ведь именно здесь во времена немецкой оккупации гитлеровцы расстреливали греческих патриотов.

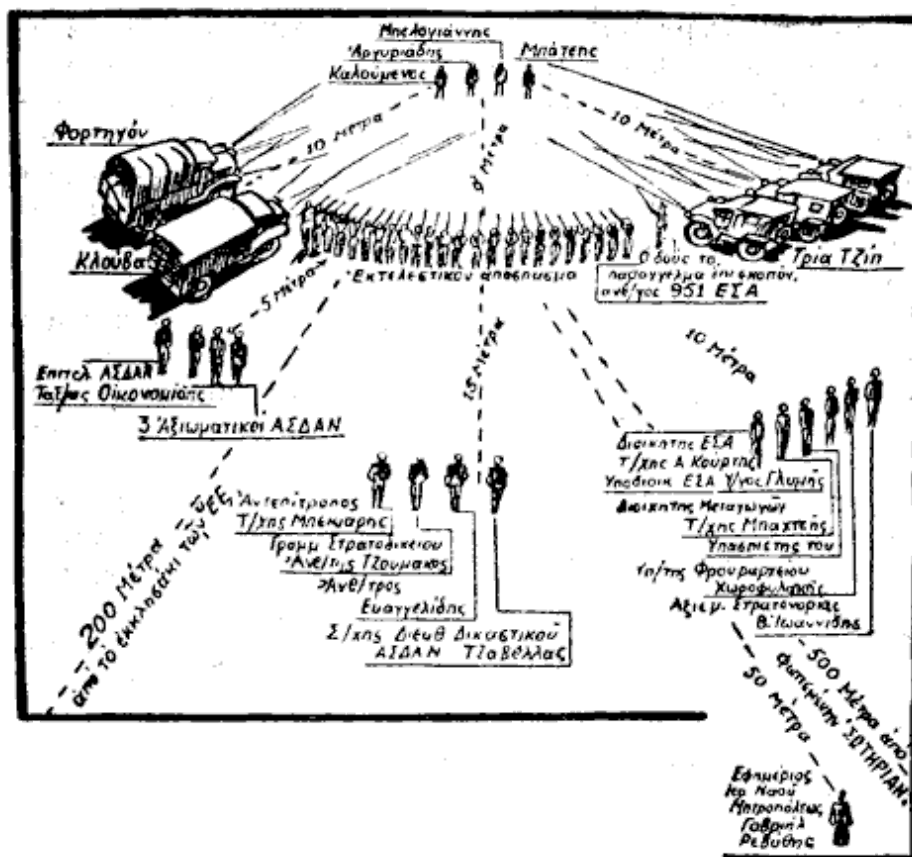
Как бы испугавшись темноты и тишины, офицер, командовавший карательным отрядом, отдал приказ завести моторы всех автомашин и включить фары. Только после этого он приказал солдатам вывести из машины приговоренных к смерти. Первым был Белояннис. Он легко спрыгнул на землю, не коснувшись ступенек. Следом за ним сошли остальные.

4 часа 5 минут. Белояннис с абсолютным спокойствием наблюдал за последними приготовлениями к расстрелу. Казалось, он был не участником, а скорее каким-то посторонним наблюдателем готовящейся кровавой драмы. К нему подошел священник и опять обратился со словами о вечной загробной жизни. Белояннис ничего ему не ответил. Он лишь повернул в его сторону лицо, на котором при свете автомобильных фар была заметна горькая улыбка. Лица других приговоренных к смерти оставались неподвижными.

В 4 часа 8 минут королевский прокурор Атанасулис огласил скороговоркой приговор военного суда и утвержденное королем Павлом решение Совета помилования об отклонении ходатайства осужденных на смерть. Закончив, он отошел немного в сторону, где карательный отряд, состоящий из 24 солдат, готовил оружие.

Офицер выстроил солдат лицом к востоку, а в восьми шагах перед ними были поставлены недалеко друг от друга Белояннис, Калуменос, Аргириадис и Бацис. Белояннис стоял вторым справа. Прошло еще несколько секунд. Офицер карательного отряда подошел к осужденным и спросил, не хотят ли они, чтобы им

завязали глаза. Белояннис молчал. Разве коммунисты не привыкли открыто смотреть смерти в лицо?

Расстрел Белоянниса в предместье Гуди. Схема из газеты «Аллаги».

В 4 часа 11 минут была подана команда «готовься!», и дула двадцати четырех американских винтовок уставились в лицо Никосу Белояннису.

Гордый орел Граммоса, верный сын Греции с высоко поднятой головой в последний раз обнимал взглядом землю, которую он так горячо любил.

Среди мертвой тишины, царившей кругом, он услышал крики заключенных из находящейся недалеко тюремной больницы «Сотириас».

— Не убивайте наших братьев, не убивайте Белоянниса!

Через секунду-другую раздастся команда «огонь!» и все будет кончено.

— Да здравствует Коммунистическая партия Греции! — крикнул Белояннис.

Последнее его слово было заглушено винтовочным залпом. Американские пули пробили грудь народного героя. Белояннис, умирая, сделал шаг вперед, и этот шаг был шагом в бессмертие.

А сзади, в глубине, по-прежнему темная и молчаливая, стояла гора Имиттос. Она ожидала, пока рассеется мрак и ее вершина будет освещена лучами восходящего солнца.

Белояннис лежал с открытыми, устремленными в небо глазами. Одна его рука была откинута, другая прижата к груди. Из ран текла кровь, пропитывая собой теплую землю. Подошел военный врач и осмотрел убитых. Все четверо были мертвы. Военный врач сообщил об этом командиру карательного отряда. Офицер подал команду, солдаты сели в машины и быстро покинули предместье Гуди.

Преступление свершилось. Организаторы расстрела забыли, что тела убитых надо перевезти на кладбище, и первые лучи солнца стали свидетелями ужасного злодеяния.

Военные власти впоследствии пытались утверждать, что трупы сразу же были перевезены на кладбище, но это была очередная ложь.

Только в 6 часов 50 минут к месту казни пришел грузовик афинского муниципалитета номер Д.А.III, вроде тех, которые вывозят мусор. Тела расстрелянных быстро положили в кузов, и офицер полиции дал шоферу приказ ехать возможно быстрее. Нужно было отделаться от журналистов, появившихся в Гуди, и попасть на кладбище до того, как они прибудут туда.

И вот грузовик мчится по скверной дороге, его бросает из стороны в сторону, а в его кузове

подпрыгивают и бьются о стенки тела четырех убитых.

Одному журналисту все же удалось быть свидетелем захоронения. Вот как он описал эту страшную картину.

«Грузовик быстро въехал на кладбище. Какие-то люди принесли носилки и стянули из машины за ноги первый труп. Это было тело Бациса. Грубо рванув, они уронили покойника с высоты больше метра. Голова Бациса стукнулась о землю и из пулевой раны брызнула кровь. Затем Бациса поволокли к вырытым неподалеку четырем могилам. Там, схватив труп за руки и за ноги, его в буквальном смысле слова швырнули в могилу. Расстрелянных похоронили в одежде, в какой они были в тюрьме, без гроба, без савана...

В тот момент, когда тело Белоянниса, последним вытащенное из грузовика, было сброшено в могилу, на кладбище, запыхавшись, прибежал какой-то человек и, взглянув на то, что происходит, разразился площадной бранью. Это был один из директоров кладбища. Могильщики просто-напросто ошиблись и захоронили расстрелянных не в тех могилах. Все трупы были вырыты из могил и заново зарыты в других местах. К восьми часам утра все было кончено».

МАТЬ

Утром в воскресенье прохожие видели на улицах Афин грузовик муниципалитета, быстро мчавшийся из предместья Гуди к району Коккинья, где находится Третье кладбище. Из машины тонкой струей текла кровь. Со страхом останавливались люди перед этим кровавым следом. Мужчины снимали головные уборы, женщины крестились, шепча молитву. Следы крови говорили о недавно совершенном преступлении.

Белояннис был убит по-воровски, по-гангстеровски. Но убийцам мало было отнять жизнь у своих жертв, они к тому же надругались над чувствами родственников убитых. Семьям не разрешили проводить казненных на кладбище, присутствовать на похоронах. Еще до того, как в утренней радиопередаче было объявлено: «Сегодня утром, незадолго до восхода солнца в обычном месте казней, предместье Гуди, были расстреляны...», жители греческой столицы уже знали, что убит Никос Белояннис. Страшная весть передавалась из уст в уста, из дома в дом, из квартала в квартал.

— Ночью убили Никоса Белоянниса.

— Никоса больше нет. Его убили.

— Какое зверство! Будьте прокляты, убийцы! Это печальное известие вызвало гнев и возмущение, на головы убийц сыпались проклятья.

Возмущение было всеобщим. Даже правительственная печать не могла скрыть вероломства властей и народного возмущения.

Василики Белоянни уже больше полугода жила в Афинах у своих родственников.

Она часто встречалась с адвокатами Никоса, узнавала новости о сыне. А сколько усилий она, измученная и больная, прилагала, чтобы спасти Никоса,

спасти других осужденных на смерть! Сколько было послано писем, обращений к королю Павлу, к главам великих держав, к председателю Генеральной Ассамблеи ООН, ко всем, кто хоть чем-то мог помочь остановить руку палача, занесенную над головой Никоса!

В воскресенье, в полдень, потрясенная горем Василики упала на колени у могилы сына и положила на нее несколько полевых цветков.

Могила Никоса на Третьем кладбище находится рядом с могилой его сестры Елени. Никос и Елени шли тернистым путем революционеров, вместе боролись за свободу своей страны, и вот сейчас они опять вместе и навсегда.

Василики Белоянни одевалась во все черное. Черное с головы до ног. Это глубокий траур. В такой одежде ходят женщины-крестьянки, потерявшие своих родных, Черную одежду Василики носила уже давно. Одного за другим теряла она своих близких.

В годы немецкой оккупации совсем еще юной умерла младшая дочь Аргентина.

Прошло несколько лет. Годы гитлеровской оккупации сменились годами новых страданий. В стране бесчинствовали банды фашистских преступников. Они истязали и зверски убивали участников Сопротивления и их семьи.

Из мести за революционную деятельность сына в 1948 году арестовали и посадили в тюрьму Георгиса Белоянниса. В тюрьме Георгиса пытали, требовали, чтобы он подписал декларацию об отречении, чтобы он отказался от своего сына Никоса и осудил его деятельность. Георгис Белояннис отверг все домогательства палачей. Фашисты убили его.

Но и после этого испытания Василики не кончились.

Во время гражданской войны арестовали и посадили в тюрьму ее старшую дочь Елени. Власти преследовали

ее за то, что она боролась за свободу своей, страны, требовали от нее отречения от политических убеждений, добивались, чтобы она осудила действия своего брата Никоса.

— Нет, — твердо заявляла Елени. Отречения она не подпишет.

Следовали новые, еще более зверские пытки, которым Елени противопоставляла свою волю.

Палачи долго держали Елени в тюрьме. После продолжительных пыток здоровье ее было подорвано. Ее перевели в тюремную больницу «Сотириас» в Афинах, где она и скончалась. Из всей когда-то большой семьи у Василики оставался только Никос. И сейчас палачи убили его.

..... Но. Василики не осталась одна. У нее есть сын Никоса, маленький Никос Белояннис. Она еще не видела его. Ведь он вместе с матерью в тюрьме.

Она не одна еще и потому, что у нее есть тысячи сыновей и дочерей, патриотов, борющихся за свободу, за идеалы мира и счастья, патриотов, считающих ее своей матерью.

На другой день журналист афинской газеты «Аллаги» пришел к Василики, чтобы выразить сочувствие ее горю. В беседе с журналистом Василики сказала:

— Бывают минуты, когда я впадаю в отчаяние, и тогда я не знаю, что со мной делается, что я говорю. Я проклинаяю тогда тех, кто убил моего сына, и желаю, чтобы их детей постигла такая же трагическая смерть для того, чтобы они сами поняли мои страдания. Но тотчас же я чувствую рядом с собой моего Никоса с его улыбающимся, полным приветов лицом. И он говорит мне: «Нет, мама. Пусть я буду последним». Тогда я прихожу в себя и успокаиваюсь. Я желаю, чтобы зло исчезло и чтобы никакая другая мать не испытала моих страданий. Мой Никос ушел от меня. Никоса послали к его сестре.

Могила, которую ему вырыли, находится рядом с ее могилой.

Василики высказала свою благодарность всем тем, кто встал на защиту Никоса и других демократов, осужденных вместе с ним на смерть. Она с негодованием говорила о том, что греческая церковь осталась совершенно безразличной к судьбе приговоренных к смерти, что она не выступила в их защиту.

— Как же можно, — сказала Василики, — от имени бога провозглашать принципы всепрощения и любви и не выразить ни единым словом осуждение кровавым процессам, которые проводятся в нашей стране?

Вскоре после убийства Никоса в греческой печати было опубликовано обращение Василики Белоянни ко всем людям доброй воли.

«Люди всей земли! Кровоточащее сердце матери, у которой империалистические палачи зверски убили любимого сына, выражает признательность Вам, протянувшим Ваши честные руки для того, чтобы спасти моего сына от расстрела. Пусть кровь моего сына станет знаменем мира и счастья вашего и нашего народов. Во имя этого дела он жил, за это он был казнен — за идеалы мира он боролся и отдал свою жизнь.

Пусть его кровь, которая обагрила эту рабскую землю, заставит расцвести цветы мира и его улыбка станет даром для молодежи всего света, чтобы другие матери не проливали слез на земле.

Мать, потрясенная скорбью, но гордая за своего сына,

Василики Белоянни».

Выражая чувства греческого народа, Центральный Комитет Компартии Греции в своем обращении заявил:

«Мать героя Никоса Белоянниса потеряла своего дорогого сына, но она не осталась одна, как этого хотели убийцы. Ее детьми являются сыновья и дочери

греческого народа, которые с любовью ее поддерживают и приносят ей дань глубокого уважения, которого она достойна».

Много писем получала Василики от греческих патриотов и борцов за мир из других стран. Вот одно из них:

«Дорогая мать. Мы, пятьсот политических заключенных средневековой тюрьмы Иджедин на Крите, с глубокой любовью присоединяем нашу скорбь к твоей скорби в связи с гибелью нашего дорогого Никоса. Ты потеряла своего сына. Мы потеряли нашего брата. Родина — горячего патриота. Народы — героя. Человечество — великого человека. Цивилизация, Свобода, Демократия, Мир, Прогресс потеряли своего героя, своего борца, своего защитника. Твоих детей на земле много миллионов. Они хранят память о Никосе в своем сердце. Они поклялись его именем. Честь и слава нашему брату герою. Проклятие убийцам и поджигателям войны. Довольно крови. Мир и Демократия в Греции и во всем мире.

*Политические заключенные тюрьмы Иджедин.
Апрель 1952 года».*

Прошло некоторое время. Василики взяла из тюрьмы Никоса Белоянниса-младшего и усыновила его. С ним она уехала в Амальяду. Но не намного Василики пережила сына. Она умерла в Амальяде и похоронена на городском кладбище рядом со своим мужем. До самой своей смерти она была окружена вниманием и любовью народа, который видел в ней не только мать героя, но героиню-мать.

Элли

*Гречанка верная. Не плачь,
— он пал героем.
Свинец врага в его вонзился
грудь.
Не плачь — не ты ль ему сама
пред первым боем
Назначила кровавый чести путь.*

А. ПУШКИН

Черная машина-клетка карательного отряда скрылась в темноте мартовской ночи, и тяжелые ворота тюрьмы захлопнулись за ней. Никоса увезли на расстрел.

После прощания с мужем Элли в изнеможении от охватившего ее горя, не чувствуя холода, опустилась на цементный пол возле двери. Тюрьма все еще гудела, заключенные протестовали, слали убийцам проклятья. И в этом протесте Элли слышала биение тысяч сердец своих товарищей. Все они — в тюрьме или на воле — были вместе с ней.

Она прижала к груди переданные ей Никосом вещи, чувствуя еще сохранившееся в них его тепло. И в ее сознании промелькнула ее трудная жизнь. Долгие годы борьбы, встреча с Никосом, арест, пытки, последние дни беременности, полные страха за жизнь будущего ребенка. Страх потерять это маленькое, близкое существо всегда сковывал ее сердце, Все это казалось предельно тяжелым. Но теперь, когда ее Никоса увезли на расстрел, наступило новое испытание силы ее любви к своему народу.

Сейчас нужно пережить потерю самого дорогого человека и не только пережить потерю, но обрести новую, еще большую силу в борьбе за народ до последнего дыхания, до последней капли крови. Надо бороться так, как боролся Никос.

Возможно, что именно в тот день у Элли возникли из дум о Никосе трогательные слова о народном борце, вылившиеся позднее во взволнованные строки стихотворения.

И каждый раз, когда, как пес бессонный,
Лишь только притворяющийся спящим,
Опять поднимет медленное веко,
Чтоб за тобой следить, враждебный взор.
И каждый раз, когда совсем бесшумно
Раскроется окошко смотровое
И из-за фонаря все смотрит, смотрит
Невидимый тебе холодный глаз.

Ты перед этим щупающим взглядом
Вперед-назад шагаешь беззаботно,
И на твоём лице — лишь безразличье.
Твое лицо — спокойно, равнодушно.
Оно непроницаемо, как маска,
Как щит из верной и надежной стали,
Который все скрывает от врага.

Скрывает мысль, что бьется неустанно,
Мысль, как сверло, буравящее эти
Двойные стены из цемента,
Мысль, которая стремительно уходит
Из тесного, глухого заточенья.
И эта мысль уже повсюду,
На каждой улице, где прошагала,
И в каждом доме, где нашла ночлег,

Во взгляде встречного и в сердце друга.

Как оружие, взяла тогда Элли оставленную Никосом ручку и стала писать поспешно и страстно. Надо сказать греческому народу о том, что случилось, сказать о совершенном преступлении.

И вот строчку за строчкой Элли пишет письмо.

«Палачи вырвали его из наших рук, и мы ничего не могли сделать, чтобы его спасти. Мы могли только высказать ему нашу скорбь, излить всю нашу душу и дать обещание отомстить. Ничего больше.

Они явились как настоящие убийцы в 3 часа утра, а в 4 часа 30 минут был написан кровавый эпилог наиболее подлой, наиболее гнусной судебной инсценировки. Мы до сих пор ничего не знаем. Нам ни с кем не разрешали говорить в течение всего дня. Ему надели тяжелые кандалы и даже не дали возможность высказать его последнюю волю. Мне разрешили сказать ему последнее прости через решетку маленького глазка тюремной камеры.

И все закончилось ночью. Убийцы понимали, что подобное преступление не должно происходить при дневном свете. Они рассчитывали, что с помощью пули им удастся избежать безжалостных ударов хлыста, ударов раскаленного железа, каким было для них каждое слово Никоса. Они скоро поймет, как они ошибались, считая, что со смертью Белоянниса все закончено.

Подлым убийцам Белоянниса я напому стихи нашего великого поэта Костиса Паламаса:

Убийцы в долинах дрожат,
И они называют свои жертвы вероломными
именами:
Грабителями, дезертирами, предателями.

Король и все тираны их ненавидят,
Но как раз между ними живут храбрецы,
И среди них вырастают герои.

Эти подлые ночные убийцы не могут уничтожить героя; героев ведь никто не может убить. Вспоминая их имена, народы борются и побеждают. Подобно священному огню отмщения герои живут в сердцах патриотов; герои живут как пример для молодежи; они живут в мечте матерей, которые хотят дать своим детям такое же чистое, большой теплоты сердце, которое имели герои. Такое сердце, как было у Никоса. Один из наших близких товарищей назвал его Альбатросом. И таким он был в жизни. Птица большого полета и силы, он умел непоколебимо противостоять всем бурям.

На таких героев мы опираемся в ходе нашей борьбы, во главе с ними мы идем к победе. Раздавшийся во время процесса крик сказал правду: Белояннис живет и будет жить. Вечно.

Элли Иоанниду.

Р. С. Эти несколько строк написаны из одиночной камеры тюрьмы, где мы находимся до сих пор, из той самой одиночки, из которой я попрощалась с Никосом, и его собственной авторучкой. *1 апреля 1952 года».*

Письмо это написано. Но Элли чувствует, что этим письмом пока сказано еще мало. Надо сорвать маску с виновников совершенного злодеяния, надо назвать народу тех, кто убил Никоса. И вот Элли пишет новое письмо, «Отмщение»{Оба письма были опубликованы 29 апреля 1952 года во французской газете «Юманите».}.

«Убийцы Белоянниса не осмеливались довести до конца свое преступление. Они остановились как настоящие фарисеи перед бурей возмущения, которая была вызвана приговором к расстрелу матери грудного ребенка. И если я еще живу, то только из-за их трусости.

Но я хочу сказать им этим письмом, что эта жизнь, которую они «спасли», в тысячу раз более, чем это было до сих пор, посвящена единственной цели — отмщению. «Надо, чтобы ты жила. Для отмщения». Это были последние слова Никоса, уходящего на расстрел. Я уверена, что все вы, свободные люди в Греции и во всем мире, слышали эти слова вместе со мной и что они вызвали в вас негодование, гневное желание наказать убийц Белоянниса, убийц тысяч и тысяч борцов, тех, кто порабощает народы и убивает их лучших сынов.

Напуганные своим преступным делом, ответственные за это лица боятся показаться. Они прячутся друг за друга, надеясь, что таким образом они могут укрыться от ответственности. Но это им не удастся. Пусть они знают, что им этого не избежать. Я, пережившая это кровавое злодеяние, хочу вам назвать их всех не потому, что вы их не знаете, но потому, что я хочу, чтобы их имена остались в ваших сердцах, написанные самой кровью Белоянниса.

Я обвиняю как лиц, прямо ответственных за убийство: американских гауляйтеров Пэрифуаиноста, которые дали приказ греческому правительству подготовить пародию на суд и осуществить расстрел; всю фракцию Папагоса в палате депутатов и в армии, которая оказывала на правительство очень сильное давление для того, чтобы оно осуществило убийство, намереваясь при этом извлечь политическую выгоду в случае, если Пластирас покроет себя кровью. Я обвиняю короля Греции — иностранца, главное занятие которого состоит в том, чтобы подписывать приговоры нашим товарищам по борьбе, Панопулоса и всю клику из охранки, Николопулоса и всю клику генерального штаба, которые являются наиболее точными исполнителями воли иностранцев в Греции.

Венизелоса, который, проводя политику правых в Греции политика правых является синонимом кровавой

политики всячески способствовал осуществлению убийства Рендиса — этого греческого Давида Руссо, как звал его Никос, который без устали готовил инсценировку суда, осуществляя приказ американцев, а также адмирала Сакеллариу.

Я обвиняю военных судей, которые осудили нас на смерть, так же как и верховный суд, потому что скандально-фантастическими решениями они придали преступлению «легальную санкцию». На конец я оставила основных виновников. Потому что все, кого я назвала ранее, нам известны. Они не могут спрятаться и не могут никого обмануть.

Другие, подлые убийцы, которые прячутся, являются наиболее опасными.

Вот они: генерал Пластирас и большинство его министров, в особенности его личный друг и министр юстиции Папаспиру. Сегодня они умывают руки и пытаются прикрыть под жалкой маской Пилата свое настоящее лицо — лицо Иуды. Пластирас мог бы одним своим словом остановить исполнение приговора. Он не произнес этого слова. И он нарушил свои торжественные заявления, что никакого наказания не будет применено за преступления, совершенные до формирования его правительства, лицемерно прикрывшись «уважением» к решению Совета помилования. Как будто он заранее не знал об этом решении. И он хочет заставить нас поверить, что он не был в курсе того, что замышлялось, хотя об этом знали журналисты, которые явились в тюрьму в то время, когда там схватили Никоса.

И он полагает, что он может этой лицемерной комедией в третий раз обмануть греческий народ лозунгами об амнистии, сейчас, когда с его рук капля по капле падает кровь Белоянниса.

Если генерал Пластирас настаивает на том, чтобы мы ему поверили, пусть он укажет поименно одного за другим лиц, ответственных за преступление. Только

таким образом он может избежать народной мести и своей окончательной политической смерти.

И если он хочет, пусть он примет все это как личный вызов и пусть он ответит, если может, как человек и как солдат.

На мой первый вызов, когда перед судом я разоблачила его иезуитство, он ответил как Иуда — убил Белоянниса, оставив меня в живых.

Но он не ответит, потому что ему нечего сказать. И потому, что ничто не может стереть с его рук кровь нашего героя.

Вот основные виновники преступления, исполнители воли пресловутой американской демократии.

Пусть они знают, что гнев народа их быстро похоронит под непобедимым потоком мщения. И завтра их будут знать только под именем — убийцы Белоянниса.

Элли Иоанниду 2 апреля 1952 года».

ПЛАМЯ ГВОЗДИКИ

В воскресенье, 30 марта, когда еще первый солнечный луч не коснулся Белоянниса, лежавшего с простреленной грудью на окровавленной земле в Гуди, у подножия горы Имиттос, ротационные машины афинских типографий печатали столичные газеты с сообщением во всю первую полосу.

«Экстренный выпуск. Сегодня до восхода солнца, в 4 часа 11 минут, в обычном месте казней, в предместье Гуди, были расстреляны приговоренные афинским военным судом по делу радиопередатчиков четверо коммунистов — Никос Белояннис, Дим. Бацис, Ил. Аргириадис, Ник. Калуменос. Их ходатайства о помиловании были королем отклонены».

Печальным был этот день для греческого народа. Прервался полет гордого орла Тайгета, Граммоса и Вичи. Белоянниса больше нет. Белояннис и смерть. Это несовместимо. Сколько раз в боях с немецко-фашистскими захватчиками смерть не выдерживала его взгляда и проходила мимо! Но не выстрел из немецкого автомата на поле боя, не разрыв фашистской мины и не немецкий снаряд оборвали его жизнь. Цинично прикрывшись тогой правосудия, Белоянниса убила раболепствующая перед американцами греческая реакция. Вся демократическая Греция была в глубоком трауре.

Разве с тобой совместим, Белояннис, траур безмолвный?

Платья весны увивают сегодня черные ленты...

Все для тебя: эти трубы большие и барабаны,
Звон колокольный и гул демонстраций, грозно растущий.

Это клянутся над гробом твоим народы всех
континентов,
День незабвенный тридцатого марта входит
навсегда
В новые святцы героев, отдавших жизнь свою
миру.

Ты ушел от нас, Никос, но пламя гвоздики
Зажигает в народах великую бодрость,
Зажигает надежду в сердцах миллионов,
Зажигает созвездия мира на небе,
Над простором покрытых костями равнин!

Ты научил нас, как нужно жить,
Как умирать достойно!
Этой гвоздикой ты, словно ключом,
Дверь отворил в бессмертье,
Улыбкой своей осветил весь мир,
Чтоб ночь не сошла на землю.

Так писал о Белояннисе 30 марта поэт Яннис Рицос. В первую же ночь после убийства Никоса стены домов и правительственных учреждений в Афинах и в Пирее покрылись надписями: «Проклятье убийцам Белоянниса», «Презренные палачи ответят за их преступление», «Нас вдохновляет и ведет пример Белоянниса». Это писали, не боясь арестов и репрессий, члены молодежной организации ЭПОН, с которой всегда был тесно связан Никос.

Никогда за всю свою историю Третье кладбище не видело такого числа посетителей. Сотни женщин и мужчин, рабочих и служащих, молодежи и студентов ежедневно посещали могилу Белоянниса и покрывали ее цветами. И среди роз, гладиолусов, анемонов, маков и других цветов, растущих в горах и в долинах Греции, на

могиле Белоянниса часто лежали цветы красной гвоздики.

Через неделю после убийства Белоянниса, 6 апреля, свыше 500 студентов Афинского университета, в котором когда-то он учился, и студентов других высших учебных заведений собрались у могилы Никоса. Они возложили венок с надписью «Герою Н. Белояннису. Спокойно, мы бодрствуем». Студенты дали клятву бороться за демократию и мир.

В тот же день многие сотни демократов из Афин и Пирея посетили Третье кладбище и возложили цветы на могилу героя.

Правительство обеспокоено. Оно дает указание никому не подпускать к могиле Белоянниса. Значительные силы полиции направлены к Третьему кладбищу. Полицейские агенты занимают все входы на кладбище. Возле могилы были поставлены часовые.

Но крутые полицейские меры не испугали патриотов. Могила героя продолжала покрываться цветами. Эти цветы приносили тайно от полиции мужчины и женщины, приносила, скрывая цветы на своей груди, молодежь, их приносил простой народ, ради счастья которого отдал свою жизнь Белояннис.

Борьба греческого народа за демократию, за мир, за свои права продолжалась. И в этой борьбе народ вдохновлялся мужественным примером, героическими делами Белоянниса. Чтя память и отдавая дань уважения бесстрашному герою, трудящиеся Афин и Пирея в день первого мая 1952 года решили возложить венки на могилу Белоянниса и на полигоне в Кесарьянис — месте гибели 200 коммунистов, расстрелянных гитлеровцами 1 мая 1944 года.

Правительство Пластираса и на этот раз показало, как оно понимает демократию, за носителя которой оно себя выдавало. Первого мая Афины и Пирей были наводнены полицией и жандармерией.

Но еще ночью на стенах домов и правительственных учреждений главных улиц Афин и Пирея появились надписи: «Слава народному герою Белояннису!», «Вечная память Белояннису — жертве несправедливости», «Позор убийцам Белоянниса!», «Мир, демократия, хлеб». Третье кладбище и дорога в Кесарьянис были теперь оцеплены полицией.

Трудящиеся рабочих кварталов все же направились к Третьему кладбищу и полигону. Они несли венки и цветы.

Когда патриоты подошли к кладбищу, на них варварски напала полиция и стала избивать безоружных людей. Пощады не было никому. С яростью полицейские уничтожили принесенные венки и своими коваными сапогами топтали цветы, вырванные из рук патриотов. Многие патриоты были арестованы, их грубо обыскивали. У некоторых были изъяты записанные на клочках бумаги слова, которыми на могиле Белоянниса они хотели почтить память народного героя. Они были изъяты как «нелегальные и могущие нанести ущерб общественной безопасности».

Вот один из этих «криминальных» документов. «Незабвенные борцы, погибшие за свободу, мы пришли к вам, чья смерть останется глубоко запечатленной в сердцах всех народов мира, которые с признательностью воздают дань уважения вашим подвигам. Мы пришли к вам как представители трудящихся района Перистери, чтобы возложить на вашу могилу немного скромных полевых цветов и обещать вам, что тысячи честных борцов будут мужественно продолжать борьбу за свободу и независимость родины, во имя которой вы отдали свою жизнь.

Пусть же память о вас будет бессмертной».

Полицейский террор не смог помешать трудовому народу Афин провести свой праздник под знаком борьбы

за мир и свободу и отдать дань уважения памяти национального героя Никоса Белоянниса и всех героев национального Сопротивления.

Центральный Комитет Коммунистической партии Греции, членом которого был Никос Белояннис, с глубокой печалью известил о тяжелой утрате, постигшей партию, греческий народ и все прогрессивное человечество. «Пламенное сердце великого борца греческого народа и миролюбивого человечества, — ¹-говорилось в заключительной части сообщения, — перестало биться. Он отдал все свои силы и саму, жизнь за освобождение Греции, за победу демократии и социализм во всем мире. Белояннис пал под американскими пулями, выпущенными палачами Пластираса. Но Белояннис живет в сердцах сотен миллионов людей. Белояннис вошел в Пантеон великих героев прогрессивного человечества. Его героизм в зале военного трибунала монархо-фашистов и перед палачами вдохновляет миллионы людей во всем мире на борьбу за мир и за лучшее будущее. Греческие борцы будут чтить память Никоса Белоянниса, великого национального и народного героя, проводя еще более решительно и мужественно неустанную борьбу за объединение всех патриотических и демократических сил нашей страны».

Чтобы память Никоса Белоянниса, политбюро Компартии Греции решило провести призыв в партию новых членов, носящий имя Белоянниса.

Многие организации и деятели Афин, Амальяды и деревень района горы Граммос внесли предложение о присвоении имени Белоянниса площади Омония в Афинах; городу Амальяде — родине героя; и самой большой вершине горы Голио на Граммосе, где Белояннис был ранен во время больших сражений Демократической армии Греции в 1948 году с монархо-фашистскими войсками.

Эти предложения были приняты политбюро КПГ как выражение воли народа, которая, придет время, будет ратифицирована народной властью. Политбюро призвало всех членов партии почтить память коммуниста Белоянниса и своим трудом и делами быть его достойными.

Сообщение об убийстве Белоянниса вызвало везде гнев и возмущение. Во всех странах мира народы выражали протест против чудовищного преступления и воздавали дань уважения памяти национального героя Греции. Многие миллионы трудящихся, осудив злодейское преступление греческой и американской реакции, почтили светлую память Никоса Белоянниса и дали клятву быть в первых рядах борцов за мир и свободу. Именем Белоянниса в социалистических странах названы города и села, улицы и парки, фабрики и заводы, совхозы и колхозы, школы и клубы, пароходы и баржи.

Никос Белояннис не умер. Героя убить нельзя, он бессмертен. И Никос Белояннис живет и будет всегда жить в сердцах и мыслях своего народа, всех честных людей на земле. Его героический подвиг и мужественный пример останутся в веках, как Светлый символ великой борьбы народов за мир, за свободу, за демократию.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОСА БЕЛОЯННИСА

1915, 22 декабря — В городе Амальяде на юге Греции родился Николаос (Никос) Белояннис.

1930–1932 — Белояннис — ученик последних классов гимназии города Амальяды. Является членом молодежной организации. Участвует в забастовочной борьбе виноградарей.

1932 — Первый арест Белоянниса.

1932, август — Белояннис оканчивает гимназию и поступает на юридический факультет Афинского университета.

1934 — Белояннис вступил в Коммунистическую партию Греции.

1934, июль — Исключение из Афинского университета.

1935 — Избрание секретарем партийной организации Амальяды.

1936, март — Арест Белоянниса и ссылка на остров Ниос.

1936, май — Белояннис заочно приговорен к двум годам тюрьмы за организацию забастовки виноградарей. Приговор суда обжалован и отменен. Белояннис возвращается из ссылки.

1936, октябрь — Белояннис призван в армию. Он становится секретарем армейской партийной организации города Патраса.

1936, декабрь — Суд приговаривает Белоянниса к трем месяцам тюрьмы.

1938, май — Белояннис осужден за распространение коммунистических идей на пять лет тюрьмы и два года

ссылки.

1941, 27 сентября — Образование ЭАМ (Национально-освободительного фронта).

1941, декабрь — Образование ЭЛАС (Народно-освободительная армия).

1941-1943 — Белояннис — узник итальянских концлагерей в Катуне и Вонице.

1943, сентябрь — Побег Белоянниса из тюремной больницы.

1943-1945 — Белояннис — партизан, политический комиссар (капитан) восьмого полка третьей дивизии ЭЛАС.

1945, апрель — Никос Белояннис — заведующий отделом просвещения обкома КПГ Пелопоннеса, редактирует политико-экономический журнал «Элефтерос Морьяс».

1945-1946 — Белояннис работает над книгами «Экономическое развитие Греции» и «История новогреческой литературы».

1946, сентябрь — декабрь — Белояннис — участник партизанской борьбы на Пелопоннесе.

1947 — Белояннис — начальник отдела пропаганды и агитации штаба главного командования ДАГ.

1948-1949 — Белояннис — начальник третьего (оперативного) отдела штаба главного командования ДАГ, позднее — политкомиссар десятой дивизии ДАГ.

1948, июль — Белояннис ранен в боях на Граммосе в сражений за Голио-Каменик.

1949, октябрь — Белояннис с последними частями ДАГ оставляет Грецию.

1950, апрель — Возвращение в Грецию.

1950, 20 декабря — Белояннис арестован в Афинах и заключен в одиночную камеру.

1951, 19 октября — 16 ноября — «Процесс 93-х». Белояннис приговорен к смертной казни.

1952, 15 февраля — 1 марта — «Процесс 29-ти».
Белояннис второй раз приговорен к смертной казни.

1952, 30 марта — Никос Белояннис расстрелян
карательным отрядом в афинском предместье Гуди.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Белояннис, Суд над правдой. Процесс Никоса Белоянниса и его товарищей в Афинском чрезвычайном военном трибунале 19 октября — 16 ноября 1951 г. Изд-во «Неа Эллада», 1952.

П. Куртад и К. Руа, Убийство в Афинах. Журнал «Звезда» № 5 за 1953 год, М.—Л.

Жизнь, отданная борьбе. [Сборник]. М., 1964.

П. Антеос, Трагедия Греции, М., 1963.

А. Парнис, Сказание о Белояннисе. М., 1958.

Правда о Греции. Первая голубая книга. М, 1949.

За мир и демократию в Греции. Вторая голубая книга. М., 1950.

За мир и демократию в Греции. Третья голубая книга. М., 1952.

Восьмой съезд Коммунистической партии Греции. (Материалы Перевод с греческого.) М., 1962.

S. Sarafis, Greek resistance army. London, 1951.

Nicos Beloyannis heros national de Grèce, 1952.

Иллюстрации

Общий вид Афин.

Амальяда — родина Белоянниса.

Афинский университет.

Остров Эгина.

Остров Ниос.

Город Салоники.

Национальный герой Греции Манолис Глезос.

Город Навплион. На горе — тюрьма Акронавплион.

Генеральный штаб ЭЛАС.

Смерть партизана в горах (фото бойца ЭЛАС).

Молодые бойцы ЭЛАС.

Генерал Стефанос Сарафис, главнокомандующий вооруженными силами ЭЛАС.

Арис Велухиотис, начальник генерального штаба ЭЛАС.

«Вперед» — греческая графика периода национально-освободительной борьбы.

Город Спарта.

Горный хребет Тайгет.

Никос Белояннис — политкомиссар Демократической армии Греции.

Белояннис после ранения (1948 г.).

Нападение партизан на фашистскую автоколонну
(рисунок политзаключенного).

В тюрьме. После пытки (рисунок политзаключенного).

Женщины в тюрьме (рисунок политзаключенного).

Пытка на острове Юра (рисунок политзаключенного).

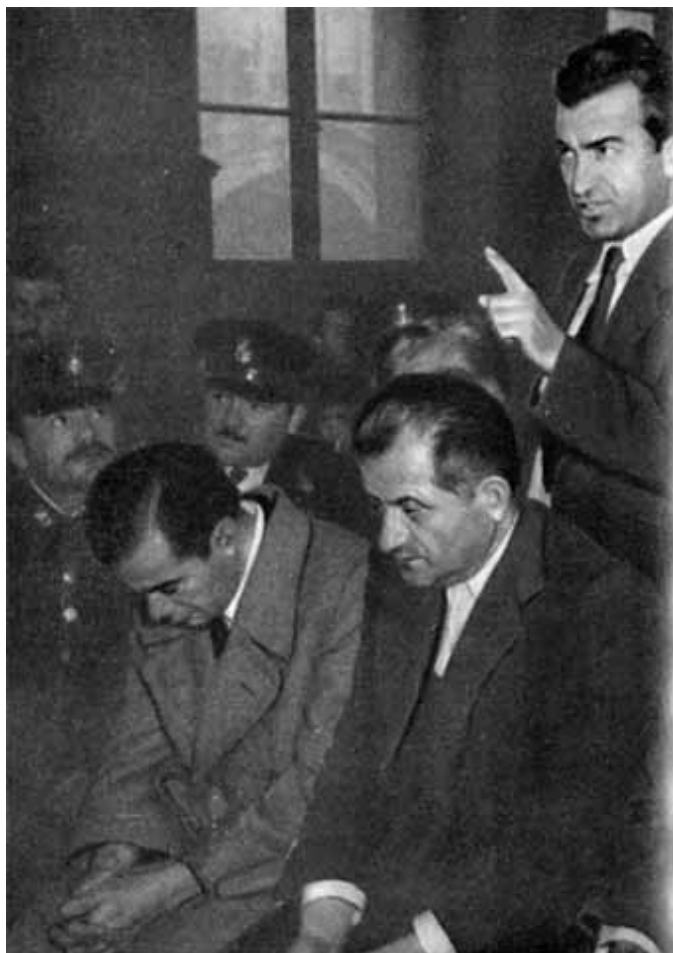
Закованный (рисунок политзаключенного).

Никос Белояннис во время «процесса 93-х» (1951 г.).

Элли Иоанниду, выступающая на «процессе 93-х»
(1951 г.).

Реплика Белоянниса военным судьям. «Процесс 29-ти» (1952 г.).

Судьи афинского военного трибунала (1952 г.).

Никос Белояннис во время перерыва судебного заседания.

Белояннис уличает начальника полиции. «Процесс 29-ти» (1952 г.).

Выступление Белоянниса на «процессе 29-ти» (1952 г.).

Никос Белояннис с гвоздикой.

Тюрьма Каллитея.

Могила Белоянниса на Третьем кладбище в Афинах.

Василики Белоянни.

Маленький Никос — сын Белоянниса в 1954 году.

Маленький Никос — сын Белоянниса в 1960 году.

Элли Иоанниду.